

Ника Янг

Моя дочь от бывшей

«Литнет»

Янг Н.

Моя дочь от бывшей / Н. Янг — «Литнет»,

- Мне нужна крупная сумма на операцию нашей дочери. - Твоей дочери!
- с презрением щурится бывший муж. - Жаль, что ты всё ещё держишь
меня за идиота. Я открываю рот в попытке воспротивиться, но не могу, а он
подходит и хватает меня за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. - Я
дам тебе деньги, Вика, но тебе придётся отработать их! - во взгляде бывшего
появляется дьявольский блеск. Все внутренности сводит, но я не могу сказать
что-то против. Он вбил себе в голову, что это не его ребёнок, но у меня нет
другого выхода. мне нужны деньги, и только он может дать их, чтобы наша
дочь смогла полноценно жить... - Я согласна, - отвечаю и с вызовом смотрю в
ненавидящие глаза.

© Янг Н.

© Литнет

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Моя дочь от бывшей

Автор: Ника Янг, Настя Ильина

Пролог

– Ничего, ничего! Может быть, все еще образуется! – забывшись, нянечка стягивает с носа одноразовую маску и вытирает ею уголки глаз. Премакивает слезу в морщинах и вытирает влагу под носом. – Все еще хорошо будет, вылечитесь, будете бегать на двух ножках. Отцу-то, отцу написала?

Я поудобнее перехватываю запелёнатого в одеяльце ребенка и прикусываю губу – понимаю, как жалко сейчас выгляжу. На мне то самое платье, в котором я поступила в родильный дом месяц назад, тоже самое, в котором нас перевели в отдел патологии новорожденных, а малышка укрыта казенным колючим одеялом.

– Дай бог, все еще образуется, – шепчет нянечка и приоткрывает мне дверь на улицу.

Зажав в пальцах старый пакет, в котором лежат все мои документы, выхожу на крыльцо. Руки оттягивает малышка, сил нет совсем. Губы сухие, жутко хочется пить, но попросить напоследок воды кажется уже наглостью – я и без того провела все это время здесь как нищенка, замучила медсестер просьбами.

– Девушка, подвиньтесь, – парень, который фотографирует какую-то счастливую пару с шарами, цветами и счастливыми улыбками, случайно толкает меня в плечо. От этого движения дряхлый пакет с паспортом и выписным листом летит на асфальт, прямо под ноги юркому фотографу. Одним движением носка тот брезгливо откидывает его дальше.

– Осторожнее!

– Оу, простите, простите, не понял, не заметил, – парень, придерживая свой огромный фотоаппарат, нагибается и поднимает с земли пыльный пакет. Быстро сует мне его в руки и тут же поворачивается к счастливой паре с огромными разноцветными шарами, а я шмыгаю носом. Понятия не имею, как добираться домой – все мое имущество при мне: месячный малыш, огромное платье – балахон для беременной, паспорт и сотовый телефон без зарядки.

– Девушка, вы бы отцу позвонили, – пробегая мимо меня говорит фотограф.

Я и звонила...

Уже месяц как. Каждый день. Каждый час.

Каждую минуту.

И на все получала только один ответ: «Абонент вне зоны действия сети».

Да была ни была, попробую еще раз. Перехватываю малышку поудобнее и снова набираю заветный номер.

Гудок.

Еще один.

Сердце замирает. В горле собирается ком размером с Гималаи.

– Да? – отзывается голос на том конце провода, такой родной, такой близкий, такой нужный, что по рукам бегут мурашки.

– Я... нас выписали, – не знаю, с чего начать, и после секундной заминки перехожу к самому главному. – Мы вышли из больницы. Я и твоя дочь Ты... ты встретишь нас, ведь правда?

Замираю и желаю, чтобы все в мире замолкло в эту секунду, чтобы услышать самый важный и нужный ответ. Но то, что доносится из трубки, тут же выбивает воздух из легких:

– Нет.

– То есть как это – нет?

Сердце падает прямо в пятки, и, если бы не драгоценная ноша в руках, они бы точно опустились.

– Не встречу. Теперь вы сами по себе, а я – сам по себе. Прощай.

– Но...

Удивленно смотрю на телефон, из которого доносятся гудки. Что? он положил трубку? Быть того не может!

Набираю снова и снова, но это бесполезно. Отец моего ребенка, мой муж, занес меня в черный список в день, когда я вышла и роддома...

Глава 1

Вика

Настоящее время

– Слушай, ну так продолжаться не может, у тебя уже мешки под глазами до колен, а волосы... Божечки... – Иришка отпивает чай и смотрит на меня из-под кипы бумаг. Я в ответ только качаю головой, мне совсем не важно, как я выгляжу. Главное одно – нужно закончить все дела ровно до пяти часов, иначе мою крошку снова оставят стоять одну в холодном холле интерната для инвалидов. Я должна успеть!

– Тебе нужно заняться собой, иначе... – подружка недовольно качает головой.

– Что же случится? – переписываю данные сотрудников в таблицу, и спешно печатаю еще один.

– Ты никогда не найдешь себе мужика, вот что иначе!

Это сообщение я оставляю без внимания, потому что мужчина – последнее, что мне нужно в этой жизни. Хватит с меня и бывшего мужа, который оставил в самый важный и страшный день жизни одну без денег и жилья.

Иришка же встает, и, оглянувшись на дверь (не услышит ли кто), подходит к моему столу. Отодвигает кипу бумаг с краю и присаживается так, чтобы нависнуть над моим ухом.

Раздраженно выдыхаю и поднимаю глаза, в ожидании.

– А может, нашего нового директора охамутаешь? У него знаешь сколько деньжищ? Да и красавчик... – Иришка закатывает глаза и причмокивает губами. – И задница – во!

Отвожу в сторону ее руку с поднятым вверх пальцем.

– Может быть, он и красавчик, но требования у него – ужас, – киваю на монитор, в котором открыто одновременно несколько программ.

Как успеть сделать за день несколько отчетов, когда нас в отделе осталось всего двое? Уже неделю в компании все стоит вверх ногами – люди, не успев даже познакомиться с новым руководством, спешно покидают насиженные места, кипами подписывая увольнительные.

– Ты просто его не видела, – усмехается Иришка и медленным шагом направляется к своему столу. – Грудь... Губы... Задница... А руки... ммм... Жаль, эти отчеты вечером понесу к нему не я. Уж я бы не упустила такой шанс!

Она взбивает прическу рукой с ярко-красным маникюром и демонстративно облизывает губы. Не удержавшись, мы смеемся – обе понимаем, что ничего предосудительного Иринка бы никогда не посмела сделать.

– Но по поводу мужика я серьезно, – вдруг подает голос она. – Тебе давно уже пора снять стресс. Хотя бы. И показать свою МарьИванну не только гинекологу!

Пуляю в нее бумажный шарик, и девушка со смехом скрывается за монитором.

Весь остаток дня похож на цирк, только коней не хватает. Голова начинает пухнуть, глаза слезиться. Работы очень много, потому что начальница одной из первых написала заявление об уходе, оставив меня исполняющей обязанности. Отслеживая стрелку часов, я с ужасом понимаю, что могу не успеть до пяти вечера, и от этого на душе становится так тяжело, что хочется выть волком.

Но выбора нет, и вот уже без пяти пять я стою в приемной нового директора со всеми своими отчетами.

– Он сегодня не в духе, – пожимает плечами секретарь, когда я кладу ей на стол бумаги. – Поэтому занеси, пожалуйста, все это сама.

Я делаю выдох и скольжу глазами по новой хромированной табличке, где написаны инициалы и незнакомая фамилия нашего нового рабовладельца. Как жаль, что прежний хозяин решил продать свои активы, не выдержав новой экономической обстановки в мире...

Как вчера помню тот день, когда пришла сюда устраиваться на работу. Тогда меня и братья-то никуда не хотели из-за маленького грудного ребенка, и только здесь пошли навстречу, войдя в положение матери, которая осталась одна сражаться против всего мира.

Именно поэтому я и не написала заявление об уходе, как многие. Не дело это – предавать тех, кто протянул тебе руку помощи в трудную минуту...

– Может быть, я потом?

– Александр Сергеевич, к вам Тихонова, – секретарь даже не дает мне возможности сбежать из логова дракона, и тут же указывает глазами на дверь.

Прижимая к себе бумаги, которые готовятся разлететься от неловкого движения, берусь за ручку и через секунду попадаю в полутемный кабинет.

Новый владелец уже обжился на этом месте. С грустью отмечаю, что пропал шкаф, где были выставлены красивые открытки, стена с дипломами сиротливо чернеет дырочками от гвоздей, а большой стол передвинут на середину комнаты.

– Я... – моргаю несколько раз, чтобы после света привыкнуть к полутьме.

Темная фигура одним слитным движением, в котором чудится что-то кошачье, буквально перетекает из-за стола ближе ко мне. Какое-то неясное предчувствие тут же сжимает сердце, а в висках начинает гудеть. Прижимаю руку к груди и делаю несколько выдохов, чтобы успокоиться. Да что это со мной?

Мужчина встает позади меня, и я не могу сделать ни единого движения – чувствую себя кроликом, попавшим на ужин к питону. Глаза, наконец, привыкают к полутьме, и я ясно различаю все мелочи, с которыми изменился кабинет.

Он стоит позади, и я буквально обмираю от ужаса. Руки покрываются гусиной кожей, а губы пересыхают. Быстро облизываю их.

– Здравствуйте... Александр... Сергеевич.

– Ну, здравствуй, Вика, – говорит он мне в ухо, от чего волосы буквально встают дыбом, а сердце начинает колотиться так часто, что кажется, оно готово пробить грудную клетку на раз-два. Мне так страшно, что я сейчас могу упасть в обморок. Потому что я только теперь понимаю, кто стоит за моей спиной. Кто спрятался за чужой незнакомой фамилией нового директора нашего предприятия. Кто достоин того, чтобы гореть в аду на самом сильном огне.

Это голос моего бывшего мужа.

Саша

Я знал, что она зайдёт сама. Как только ознакомился со списками сотрудников и увидел такое знакомое мне имя, голова сразу же пошла кругом. Весь воздух выбило из лёгких, и я решил, что точно выкуплю эту компанию, чтобы превратить жизнь бывшей в самый настоящий ад. Когда-то она так поступила со мной, настала моя очередь прийти с ответным ударом. Неужели Вика совсем не думала своей головой, когда творила такое? Неужто считала меня настолько влюблённым лопухом, который даже не заметит подвоха и будет вечно расстилаться под её каблуком?

– Т-ты! – заикается Вика, широко распахнув глаза.

– Я, милая, я. Ожидала увидеть кого-то другого? – посмеиваюсь, прикасаясь подушечками пальцев к нежной коже лица твари, предавшей меня.

Когда-то я любил её, весь мир готов был положить к её ногам, но за пять лет многое изменилось. Я изменился, став наследником богатой империи. А она осталась прежней: тихая серая мышка, в душе которой прыгают самые черные черти.

– Но п-почему? – она делает шаг назад.

Я не держу – хочет сбежать, пусть бежит как можно дальше, так даже интереснее, ведь я всё равно настигну её. Все эти годы я наивно предполагал, что смог отпустить её, оставить прошлое в прошлом, но я ошибался. Я жаждал снова посмотреть ей в глаза и спросить, как она

могла так жестоко обойтись со мной. Однако последний вопрос я задам позднее, когда доведу её до исступления.

– Почему я выкупил эту компанию? Решил сделать подарок своей будущей жене... Подарю ей эту гнилую конторку на свадьбу, как только приведу в порядок и подниму до нужных высот, достойных истинной королевы.

Вика стискивает зубы, бледнеет и кивает. А что она думала? Что все эти пять лет я буду горевать и вести отшельнический образ жизни? Я не монах, и орешки при месте. Нужно как-то жить дальше, несмотря на то, что тебя жестоко предали, вытряхнув душу.

– Не прикасайся ко мне, – как змея шипит бывшая, когда я делаю шаг в её сторону.

– А иначе что? Обвинишь меня в изнасиловании? Знаешь, у меня нет настроения на лишнюю болтовню. У тебя есть две недели, чтобы найти новую работу.

Знаю, что обстановка с работой в городе не самая удачная, кроме того, я скупил большую часть компаний здесь, а своих коллег убедительно попросил не принимать Вику, если не хотят в ближайшее время стать банкротами. У меня всё схвачено, и я уверен, что через две недели она приползёт ко мне и в слезах будет каяться за содеянное. Хотя какие там две недели? Скорее всего, даже раньше. Вика уж слишком держалась за это место: рядом с домом, платят хорошо, а график позволяет уходить раньше и приходить позднее. Я разузнал о ней практически всё от бывшего владельца этого места: одна воспитывает ребёнка-инвалида. Жизнь чересчур круто наказала Вику за содеянное, но мне ничуть не жаль её.

– Новую работу? – переспрашивает бывшая, словно оглохла. – У тебя совести совсем нет?

– Совести? И это ты будешь говорить мне о совести?

Становится смешно, но я сдерживаюсь. Бреду к своему столу, плюхаюсь в кресло и закидываю обе ноги на столешницу.

– Ты слишком несправедлив, Саша... Думаешь, что обзавелся деньгами, спрятался за чужой фамилией и сможешь отмыть все свои грешки?

Мне становится смешно.

– Сменил фамилию? Ты чересчур высокого мнения о себе, если думаешь, что я стал бы прятаться за чужой фамилией. Я не собираюсь просиживать здесь штаны, поэтому в скором времени это место займёт директор, а я буду управлять всем на расстоянии.

– Ты не можешь лишиться меня работы! – всхлипывает Вика и скрещивает руки на груди, отчего бумаги вываливаются и рассыпаются по полу.

– Ты даже документы сдать нормально не можешь, на кой чёрт мне держать тебя здесь? – фыркаю я.

Вика присаживается на корточки и трясущимися руками начинает собирать рассыпанные по всему полу бумаги, а я очерчиваю взглядом идеальные изгибы её тела. Кажется, она похудела, но все приятные округлости остались при ней. Когда-то я был без ума от её фигуры, от её близости. Вспоминаю, как не мог надышаться ароматом её кожи, как любил, а потом сгибался пополам от боли, которую она причинила мне, снова и снова прокручивая перед глазами момент предательства.

– Если ты решил уволить меня, я подам на алименты, – решительно заявляет Вика, бросает документы на столешницу и смотрит на меня разъярённым взглядом. – Ты заплатишь за всё, что сделал со мной и маленькой Варей.

– Рискни, если сможешь доказать, что этот ребёнок мой, а не плод твоих больных утех.

Вика широко распахивает глаза от удивления, хлопает ресничками, внимательно глядя на меня, словно не поняла, о чём идёт речь. Она отшатывается, точно получила пощёчину... правда оказалась чересчур больной? Не думала, что мне станет известна правда?

Я не хотел тыкать её носом в эту проклятую измену, но вижу, что другого выхода у меня нет. Все девять месяцев я надеялся, что это мой ребёнок, представлял, каким отцом я стану, а

потом получил результаты ДНК... Я готов был простить ей измену ради малыша, но даже он не мой... Губы растягиваются в хищной улыбке.

– Я всегда была верна тебе, – с обидой заявляет Вика. – А ты сбежал, как последний трус, столкнувшись с опасностью лицом к лицу.

Она разворачивается и быстро покидает мой кабинет, оставляя шлейф своей дешманской парфюмерии, который проникает в самую душу, затрагивая что-то чересчур болезненное, снова уничтожающее меня изнутри.

Вот и поговорили...

Понимаю в эту секунду, что так и не успел высказать всё, что так сильно кипело на душе. С грозным рыком сметаю все бумаги со стола и поднимаюсь из-за него, желая поехать в бар и немного развеяться. Телефон начинает звонить, но я даже не смотрю на экран: плевать, кому и что нужно... Я столько всего готовился сказать ей, но слова потерялись, а я понял одно – эти годы ничего не изменили, я не смог вытравить яд под названием «Вика» из своей крови.

Глава 2

Вика

Мамочки... Мамочки...

Пулей пролетаю мимо секретаря и влетаю в свой кабинет. Пальто, шарф, сумка – все хватаю в кучу и мчусь к лифту. Лицо горит, как после пощечин, в душе настоящий кавардак, а сердце буквально бьется в пятках, потому что выпрыгнуть из груди никак не получится...

Подружка что-то кричит мне в спину, но я отмахиваюсь, – не хочу, чтобы кто-то видел, как я позорно разревусь, как меня скрутит истерика, конца и края которой явно не будет.

«Две недели»...

Бывший муж...

«Компания – подарок будущей жене»...

Господи, у меня сейчас голова лопнет от всего...

Черт, ну почему так долго едет лифт? Отчаянно жму на кнопку первого этажа, чтобы выбраться из этого здания, вдохнуть полной грудью воздух. Мне срочно нужно подышать, иначе я точно свалюсь трупом.

Там, в кабинете моего бывшего директора на меня обрушилось слишком много всего, слишком много, что способно выдержать мое бедное заячье сердце.

Я думала, что мы уже никогда, никогда не встретимся – хватило нашего последнего разговора в день выписки из роддома, когда я стояла в одиночестве с младенцем на руках, и вот поди ж ты...

Как черт из табакерки, как самый страшный кошмар.

Втиснувшись в автобус, я встаю возле входа, чтобы меня не затолкали все те, кто соберется выходить. Совершенно не обращая внимания на толчки в спину, на все неудобства общественного транспорта, на кочки, на которых регулярно подскакивает автобус.

В моей душе все переворачивается и стонет, агония хватает за горло и сжимает спазмами так сильно, что перед глазами рябит.

Он дал мне две недели на отработку? Какое чертово благородство! Увольнение?! Да я ни дня рядом с ним, под его руководством не собираюсь работать! Дышать одним с ним воздухом, входить каждый день в одни и те же двери!

– Девушка? Вам плохо? – раздается участливый голос сзади.

– Что? Нет, нет, спасибо, – пытаюсь улыбнуться, но это плохо получается – губы дрожат.

Достаю телефон и захожу в приложение мобильного банка. На карте – сто пятьдесят рублей. Черт.

Все, что получу, если еще этот гад не вмешается и не решит урезать последние оставшиеся деньги, уйдет на оплату съемной квартиры.

Перед глазами снова все темнеет.

Мне даже продуктов не на что будет купить.

– Пропустите, я выхожу, – торопливо сую мелочь водителю и выхожу на темнеющую улицу. Делаю вдох так сильно, что даже легкие ломит. Но это не помогает расчистить стаи мыслей, которые крутятся, вьются, бьются друг о друга в голове.

Но одна мысль все же сильнее остальных. Наверное, это материнский инстинкт – чтобы ни случилось, в первую очередь ты думаешь о ребенке, все остальные проблемы должны быть на втором плане.

И потому я ускоряюсь – пешком идти довольно далеко, да еще и по темноте – сейчас стремительно темнеет, а фонари городские власти не удосужились провести – конечно, ведь тут не живут бизнесмены и депутаты, всего лишь работает дом – интернат для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Времени остается все меньше, и я фокусируюсь на дороге. Последние метры уже почти бегу – вижу, что стоянка возле здания уже почти пуста, а это значит, что моя малышка снова осталась последней...

Дергаю ручку двери на себя и буквально вваливаюсь в холодный полутемный холл.

– Мамочка!

– Варенька!

Кидаюсь к дочери, целую ее щечки, обнимаю, чувствуя тепло ее тела, ее прекрасный аромат, пытаюсь напитаться ее настроением. Маленькая моя, девочка моя сладкая, несчастная моя душенька...

– Тихонова! – грозно говорит няня. Ее-то я и не заметила, но она, как всегда, держит оборону. Сложила руки на груди, неодобрительно сверкает глазами в мою сторону – впрочем, эта поза мне кажется уже привычной. – Вы снова опоздали. Приходите самой последней.

– Простите меня, на работе задержали... Я... больше так не буду. – мне хочется одновременно и провалиться под землю и накричать на женщину, пожаловавшись ей на свою нелегкую жизнь матери-одиночки с особенным ребенком. Но я не делаю ни того, ни другого.

Проглатываю обиду и слезы второй раз за этот длинный суматошный, ужасающий день, и надеваю Вареньке ботиночки. Снимаю с тормоза коляску и медленно, осторожно выкатываю ее на улицу.

– Поедем на машине? На такси? – спрашивает дочь – живем мы далеко и в такие дни я стараюсь увозить ее на специальном транспорте. Но не сегодня...

Памятуя я о своих несчастных, жалких ста рублях в кошельке, я натягиваю на лицо самую фальшивую из своих улыбок:

– Нет, милая, сегодня мы пойдем домой пешком. Пройдемся, посмотрим, какая погода, как красиво и хорошо на улице...

– Да, мамочка, – легко соглашается мой ангелочек.

Я включаю на телефоне фонарик, чтобы малышка светила на дорогу, и выезжаю вперед, на пешеходный тротуар.

Она смотрит по сторонам, а я же смотрю только вперед – в темноту, вижу, как сильно трясется фонарик – дорога старая, ужасно плохая, колясочку трясет. Но Варенька ни за что не пожалуется на то, что ее качает, и я прикусываю губу так сильно, чтобы не разреветься в голос, что ощущаю на языке привкус своей крови.

Что же мне делать? Как мне быть?

Конечно, придется распрощаться с работой, но я думаю, что мне удастся найти новую. Дай бог, чтобы ознакомительный период в новом месте оказался меньше, чем три месяца – иначе мне просто не на что будет кормить дочь.

Конечно, мне пока еще везет – в школе – интернате она проводит полный день, но вечером... в выходные... Не представляю, как со всем управиться.

Свет от фонарика подрагивает на неровной дороге и я вижу, что начался мелкий противный дождик. Он крапает сверху, стекает с носа, ползет по щекам.

Я нагибаюсь, натягиваю плотнее на Вареньку капюшончик, чтобы она не простудилась от нашей вынужденной прогулки, вытираю влагу под глазами, и упорно тащу коляску вперед.

Скоро небольшой переход – мне придется нести коляску и ребенка на руках, потому что асфальта нет, только грязь. Всего несколько шагов, но это невыносимая тяжесть, и я каждый раз после дую несколько минут на покрасневшие от натуги руки, чтобы они перестали дрожать.

– Мамочка! Машина! – Варенька первой замечает огни автомобиля, который проносится мимо.

Меня обливает с ног до головы из лужи из-под колес авто, вдобавок к дождю, который полностью вымочил волосы.

Да будьте же вы прокляты, вы все, мужчины, короли мира, которые позволяют так обращаться с женщиной!!! – хочется выкрикнуть мне вдогонку тому автомобилисту, который не сбавил скорость, не объехал чертову лужу, а решил на скорости преодолеть этот участок.

– Ничего – ничего, Варенька, все будет хорошо, – вру я и приподнимаю коляску, когда нужно переходить через грязь. Ноги подгибаются от тяжести, а руки дрожат. – Ничего – ничего...

Саша

Музыка долбит по барабанным перепонкам. Цветные искры слепят глаза. Вокруг царит настоящий хаос, но это именно то, что мне сейчас нужно, чтобы отвлечься от мыслей о прошлом. Две красотки ластятся ко мне, и я знаю, что они легко согласятся на ночь втроём, но пока не хочу торопить события. Оплачиваю эту тусовку, чтобы жизнь вокруг кипела. Так я чувствую себя нужным кому-то.

Алиса или Алина? Забыл имя этой блондиночки в чересчур открытом платье, которое едва прикрывает трусики и бесстыдно оголяет область декольте, уже совсем теряет самообладание и буквально лезет ко мне на колени. А вечер ещё не начался толком! Сейчас подкатит Вакса, мой старый друг, с остальными пацанами и девчонками. Уверен, что жара обеспечена.

– Эй, притормози коней, – почти рычу девке, что лезет целоваться.

На поцелуи у меня табу – я буду целовать только ту, которую люблю. После развода с Викторией я никого и никогда не целовал.

Буквально отталкиваю девку от себя, и она сползает на диван, жалобно пискнув, как мышь, которой прищемили хвост.

– Сахара, – хлопает меня по плечу Вакса.

Лёнку стали называть Ваксой за родимое пятно в половину лица, доставшееся ему по наследству от бати. Всё-таки Вакса звучит брутальнее, чем Лёня. А меня долгое время называли Сахой, от имени, но после того, как я начал опустошать конкурентов, ко мне приклеилось прозвище «Сахара». После меня на самом деле чересчур сухо и гадко на душе, а в глазах разоренных толстосумов, добившихся богатства бесчестным путём, блестит вожелание отыскать желанную влагу и снова вернуться в строй. Я негромко посмеиваюсь своим мыслям и пожимаю приятелю руку.

– А где мужики? – спрашиваю, хмурясь, ведь Вакса должен был приехать не один.

– За девчонками поехали. Скоро будут.

Вакса плюхается на кожаный диванчик напротив и подмигивает разочарованной блондинке.

– Поделишься девчонкой, Сахара? – хихикает друг. – Вижу, тобой она слегка недовольна.

– Да хоть обеих забирай... – пожимаю плечами.

Девки не обижаются: они привыкли к товарно-денежным отношениям, хоть гордо заявляют, что они не те самые девочки по вызову, а бабки, которые получают после жаркой ночи – это добровольный подарок от довольного мужика. Смешно, но если им так нравится – почему нет? Каждый живёт так, как ему нравится...

Каждый...

Снова вспоминаю свою бывшую жену. Невинный ангелочек... Кто бы мог подумать, что она способна на такую подлость. Стискиваю зубы, и они противно скребутся друг о дружку.

Телефон звонит, и я лениво достаю его из кармана. Это Дарина, моя невеста. Девчонка, которая долгое время ошивалась вокруг меня, когда я был женат, хоть и знала, что ей ничего не светит. Я согласился на отношения с ней, заявив сразу, чтобы не ждала любви и уважения. Всё-таки постоянная партнёрша лучше сотни разных. Да и мама осталась довольна моим выбором.

– Чего хотела? – спрашиваю сухим тоном, а брюнеточка, сидящая рядом, хихикает от шуток Ваксы.

– Саша, а ты где? Снова шляешься по бабам?

– А тебе какое дело? – сухо спрашиваю и хмурюсь, не понимая претензий.

– Мы договаривались встретиться. Я жду тебя в ресторане, где ты сам, между прочим, забронировал столик. Забыл?

Столик!

Если честно, забыл...

Не я забронировал его.

Мама.

Она хотела, чтобы я сделал Дарине официальное предложение, даже кольцо мне в карман сунула, когда я шёл к машине.

Достаю коробочку с кольцом из кармана и кручу её в руке, думая, надо ли мне снова обременять себя узами брака? В конце концов, я и сейчас живу хорошо.

– Забыл. Можешь всласть лопать десерты, заедая обиду на меня. Не забудь выпить и пожаловаться официанту, красочно расписав, какой я козёл.

Дарина шипит, а я ничего не отвечаю ей, лишь сбрасываю вызов и смотрю на Ваксу, готового обоссаться от смеха.

– Невестушка ещё не поняла, что она просто красивый фантик для тебя? – хохотнул Вакса, на что я лишь цокнул языком и мотнул головой.

Да плевать мне, что она там поняла, а что так и не успело посетить её бедовую головушку. Я снова вспомнил своё прошлое, которое пытался утопить в стаканах с искрящейся жидкостью.

– Кстати, о женах и невестах... Я ж твою бывшую щас видел, ну... Вику. Вот уж не ожидал, а еду, гляжу – она. Я сначала сбавил скорость, думал, что человек идёт, а гляжу – грязь ползёт. Коляску инвалидную тащила с дитём, ну я обдал её как следует грязью, чтобы знала, где её место.

Вакса противно ржёт, как конь троянский, а я поднимаюсь на ноги и приближаюсь к нему. Кажется, я стряхнул с себя девицу, липнущую, как банный лист к заднице, а она начала ворчать, что я слишком груб. Я хватаю Ваксу за грудки и поднимаю его, заставляя смотреть мне в глаза.

– Тебе смешно, правда? – рычу я.

– Э-э! Сахара, подожди! Ты чё так завёлся-то? Глаза как у бычары кровью налились. Тихо, брат! Я ж просто показал твари, где её место, пусть помнит, как братана обидела.

– Это всё моё личное дело. Я уже говорил, чтобы никто не смел открывать на неё свою жалкую пасть. Если кто и может топить Вику, так только я, но не такие ублюдки, как ты. Тебе она ничего не сделала.

– Сахара, ты с ума сошёл? Пусти! – взвизгивает Вакса, и я отпускаю его.

Мужик принимается поправлять воротник рубашки. Он раскраснелся, как самый настоящий рак. Испугался?

– Будет он ещё из-за какой-то шавки на братана руку поднимать, – ворчит себе под нос Вакса.

А вот это ему лучше было не говорить...

Закипаю и не могу уже остановиться. Я сотню раз говорил друзьям, что наше расставание с Викой – наше дело, и они свой нюх туда совать не должны. Она не им в душу нагадила, в конце концов.

Бью наотмашь, так, что Вакса падает на диван и начинает скулить, что я сломал ему челюсть.

– Ещё раз услышу подобное высказывание, будешь жрать через трубочку, – выдаю я и ухожу.

Что же ты со мной творишь, Вика? Несмотря на твои проделки, я не могу позволить кому-то говорить о тебе плохо...

Медленно бреду к машине, понимая, что в таком состоянии за руль лучше не садиться, но я хочу почувствовать скорость, хочу утонуть в огнях ночного города. Капли дождя бьют по щекам, и я морщусь, вспоминая слова Ваксы... Больше не хочу видеть его.

Глава 3

Вика

– Мамочка, – доносится голосок как через вату. – Мамочка, я пить хочу.

– Сейчас, сейчас, детка, сейчас, – говорю, а сама даже рукой пошевелить не могу. Губы будто пудовые гири, а глаза проклеены суперклеем – никак не хотят открываться. Да и сама голова гудит, как будто заколоченный улей с сердитыми пчелами внутри.

Отчаянно борюсь с собой, не с первой попытки, но встаю. Кое-как дохожу до кухни, наливаю стакан воды, но прежде чем отнести его Вареньке, выпиваю сама. Один, второй. Не выдерживаю и пью прямо из графина. Так жадно, что вода катится по подбородку и падает на ночную рубашку. Несмотря на то, что она теплая, комнатной температуры, я ощущаю эту дорожку воды так, будто бы это лед. Кожа чуть не шипит от этого.

Ну вот.

Значит, у меня температура.

Пока несу воду Вареньке, ставлю градусник. Хотя он и не нужен – ощущаю себя ровно так, как чувствует себя десятидневный труп – не лучше, и не хуже.

Пока умываю дочь, пока завариваю ей кашу, наливаю чай, чувствую каждую секунду, что еще чуть-чуть, и свалюсь на пол.

Перед глазами все окружение крутится каруселью, веки наливаются свинцовой тяжестью.

И как некстати вспоминаются слова бывшего мужа, сказанные вчера: «Ты уволена, ты уволена, ты уволена».

Мелькает мысль не пойти на работу – как представлю себе, сколько нужно сделать телодвижений, чтобы добраться до нее, опускаются руки.

И только уронив на пол расческу, понимаю, что поднять ее с пола просто не смогу – иначе сама свалюсь и не смогу встать с пола.

– Варенька, – говорю, а сама ужасаюсь своему скрипучему голосу. – Сегодня никуда не идем. Остаемся дома.

– Ура! – смеется дочь. Для нее то, что мы остаемся дома значит веселый выходной, море мультиков и развлечений, а мне...

Мне нужно подавить в себе желание разреветься. Как это все не вовремя!

Видимо, вчерашний марш-бросок под дождем, мокрой, истерзанной, испуганной встречей с бывшим мужем, не дался просто так – организм засбоил. Я достаю пачку с лекарствами, пью жаропонижающее, включаю Варе телевизор с каналом, где идут мультфильмы, выкладываю перед ней игрушки и воду с печеньем, чтобы дать себе немного времени отлежаться, а достаю сотовый телефон. Нужно придумать, что сделать, чтобы никто не понял, что я не пришла на работу. Или, все же, признаться?

«Викусь, ты что, забыла, меня в командировку на день сослали. Приеду поздно ночью,» – пишет в ответ сообщение подруга. Точно, она уехала, ее не то, что в кабинете, – нет в городе. Тогда придется говорить про то, что заболела и на работу не выйду. Как же все это не вовремя, как не вовремя...

Трубку берет секретарь из главной приемной.

– Это Тихонова, – хриплю я, с ужасом понимая, что мой голос становится похожим на пропитый бас алкоголика. – Прошу оформить «мамин день», потому что очень сильно заболела.

– Больничный? – слышу, как секретарь кривит губы.

– Нет, нет, – пугаюсь. Больничного только сейчас не хватало! Нельзя давать возможностей уцепиться никому за мою несостоятельность, мне так или иначе нужно удержаться на работе. – «Мамин день». Ни разу за все время работы его не брала.

Мне кажется, я воочию вижу, как секретарь закатывает глаза. Серпентарий, что сделать. Чем человек ближе к телу главного, тем ему больше кажется, что он также наделен большой властью.

– До свидания, Тихонова.

Едва услышав в трубке гудки, немного успокаиваюсь. Ладно, все будет хорошо. Я приду в себя и решу все проблемы, которые навалились на меня одним махом. Нужно только сейчас выкарабкаться из этой страшной ямы, в которую уплывает разгоряченное сознание...

Как только голова касается подушки, как я снова оказываюсь в том самом страшном дне, когда я вышла из роддома с малышкой на руках.

Погода стояла жаркая – разгар цветущего лета. Солнце било в глаза, заигрывало с волосами, куталось в ресницах, но оно никак не могло добраться до моего сердца, где царил мрак. Я осталась одна. Муж меня бросил, и мне нужно было что-то делать, как-то выкарабкаться из этой ситуации.

Добравшись до квартиры, я обнаружила кунюры, связанные резинкой и записку: «Этого тебе хватит на первое время». Документы о разводе лежали тут же, в файле. Я перечитала их несколько раз, чтобы убедиться в том, что человек, который, казалось, был ближе всех ко мне, который заменил мне собою весь мир, банально выбрасывал меня на улицу. Ни с чем – ровно так, как я пришла в его дом. С небольшой сумкой вещей.

Не знаю, где был тогда мой разум, но я, ведомая гормональным сбоем, усталостью от бессонных ночей, резко поставила размашистую подпись под всеми бумагами, которые там были. Нет, я не претендую, нет, я не буду просить, нет, я не стану претендовать...

И нет, я больше никогда этого не прощу...

Денег хватило на несколько месяцев жизни в съемной квартире. А после пришлось срочно искать работу. Искать, крутиться, бегать.

И только тогда, когда я решила, что моя жизнь наладилась, судьба снова ударила наотмашь – Варенька не могла ползать. Не могла шевелить ножкой.

Слезы. Горе. Черная беспросветная тоска. Врачи, врачи, врачи...

– Мапочка, мамочка, – испуганный голосок моей крошки ворвался в сны-воспоминания. – Мама!

– Что? Что, моя красавица?

– Ты плакала во сне. Плакала, – она утерла слезы своей маленькой пухленькой ладошкой. – Не плачь.

Я прикусила обветренную губу.

– Нет, моя хорошая, тебе показалось. Я просто приболела немножко. Какие слезы? Нет никаких слез.

Дочка улыбнулась.

Я заглянула ей за спину и поняла, что наступил вечер – сумерки уже вовсю хозяйничали в комнате. Это значит, я проспала весь день. Голова все еще болела, тело немного ломило, а влажная сорочка прилипла к спине. Лицо и правда было все мокрым – и уже не понять, это было от болезненного пота или жутких воспоминаний о прошлом...

– У тебя телефон звонил.

Сглотнув, отчего-то не ожидая ничего хорошего, я разблокировала экран. Два пропущенных от Иринки, и одно сообщение с незнакомого номера.

Медленно, будто приближаясь к логову ядовитой змеи, я нажала на конвертик.

«Ты уволена, Вика, этим днем».

Мне показалось, что даже экран сотового телефона сверкнул нагловатой ухмылкой бывшего мужа.

Уволена.

Саша

Я закипаю.

Моя бывшая окончательно сошла с ума?

Я думал, что она начнёт на коленях ползать и молить меня оставить её в компании, но вместо этого она просто не вышла на работу. Даже не сообщила, что не придёт, значит, ничего не случилось, просто решила проявить характер. Ну... Характер есть и у меня тоже. Посмотрим, сколько она протянет, если я оставлю её без всего, без копейки. Вызываю кадровика. Женщина смотрит на меня, потупив взгляд. Я в курсе, что в этой конторе меня ненавидят все. Хочется сказать, чтобы сделала физиономию чуточку попроще, но я держусь.

– Я хочу, чтобы вы сегодняшним числом уволили Тихонову и лишили её всех возможных выплат, – заявляю безапелляционным тоном я.

– Но мы не можем, – заикается кадровчика.

– А если я и вас прикажу уволить?

Смотрю на неё с прищуром, и женщина не выдерживает: тоже отводит взгляд и начинает шаркать ножкой, напоминая того самого Карлсона из детства.

– По какой статье мне увольнять Тихонову? – задает женщина вопрос трясущимся голосом.

– А это ваша работа – придумайте статью для того, чтобы уволить её. Я не желаю, чтобы она появилась здесь снова. Все выплаты, которые ей должны выдать, спишите к чёртовой бабушке. Придумайте штрафы... Да что угодно. Тихонова должна остаться без копейки.

Кадровичка поднимает взгляд и заинтересованно смотрит на меня, словно хочет спросить, отчего у меня вдруг возник такой нездоровый интерес к девушке, а я лишь недовольно фыркаю, давая понять, что отчитываться не стану. Это моё право: кого хочу, того и увольняю.

– Я всё поняла. Я могу идти?

– Давно следовало сделать это.

Женщина пулей вылетает из кабинета, а я растекаюсь в кресле в попытке расслабиться, но всё тело превращается в один сжатый мускул и не позволяет мне этого сделать. Я снова закипаю, думая о том, что Вика решила ставить мне условия. Набираю её номер, решив лично сообщить «радостную новость». Однако не хочу слышать её голос, поэтому просто набираю сообщение.

«Ты уволена, Вика. Этим днём».

Губы растягиваются в улыбке. И что она скажет теперь? Как запоёт, когда поймёт, что её никуда не примут? Даже мойщицей унитаза она не сможет устроиться. Я уже предвкушаю тот момент, когда она приползёт за помощью, а я, наконец, соберусь с силами и скажу, что всё знаю о её тайных развлечениях. Абсолютно всё. Что тогда она будет делать? Как посмотрит мне в глаза? Тварь, которую я любил так же сильно, как теперь ненавижу. Возможно, мне жаль её ребёнка в глубине души, ведь тот и без того пострадал за грешки матери, родившись инвалидом, но если помогу девчонке, то облегчу жизнь бывшей, а пока я не готов этого делать. Я и без того перевёл немаленькую сумму на счёт детской больницы, когда девочка проходила там реабилитацию. Конечно, Вика не знает и никогда теперь не узнает этого, потому что не достойна правды.

Не могу справиться с внутренней злостью, поднимаюсь на ноги и принимаюсь ходить по кабинету, наматывая счётчик пройденных шагов.

Я думал, что погас, что смог забыть о своей больной любви к ней, но чувства вспыхнули снова, отзываясь в груди сильнейшими отголосками боли.

Телефон звонит, и на моих губах появляется улыбка Чеширского кота. Я предвкушаю разговор с бывшей, которая могла прочесть моё сообщение, но это мама. Поникаю немного, однако всё равно отвечаю.

– Мама, только не начинай с разговоров о Дарине, – заявляю я.

– Ты сам начал, – протестует мама. – Что ты творишь, сын? Дарина в слезах приехала ко мне вчера. Я отпаивала её травяным настоем в попытке привести в чувство. Девочка совсем не находит себе места и не знает, как правильно вести себя с тобой. Александр, ты обязан поехать к ней, отвезти букет цветов и как следует извиниться. Я думаю, ты понимаешь, что я имею в виду, говоря, «как следует»?

Я хмыкаю.

– Не приказывай мне, мама, потому что если я буду чувствовать давление с твоей стороны, я могу сильно разозлиться, а если я разозлюсь... Дарина полетит ко всем чертям собачьим, и мне плевать, нравится тебе это или нет.

– Сашенька, я тебя не узнаю, – всхлипывает мама. – Только не говори, что ты снова снюхался с этой своей шл...

– Стоп, – перебиваю, не позволяя матери оскорбить мою бывшую. – Мы сами разберемся с Дариной в наших отношениях, и если я не захочу, я не стану жениться на ней. Мне уже надоело то, что ты так активно устраиваешь наш брак.

– Я тебя поняла, – мама переходит в атаку и начинает шмыгать носом, чтобы я почувствовал себя виновником того, что довёл её до слёз, а потом добавляет своё коронное: – Мне нужно пойти выпить успокоительные, а тебе подумать над своим поведением, Сашенька.

Я отключаю телефон, не желая продолжать этот бессмысленный разговор, и понимаю, что Вика снова отрицательно влияет на меня. Я долгое время не общался с матерью, выбрав себе в жены женщину, которая была той не по душе, но мама была права, когда говорила, что Вика ещё причинит мне немало боли. И вот теперь снова. Стоило бывшей появиться на горизонте, как я ссорюсь с родной матерью.

Быть может, она права?

Быть может, брак с Дариной – на самом деле лучшее, что может произойти со мной?

Девчонка будет преданной ланью дома, когда мы с ней поженимся: в этом я более чем уверен. Она родит мне МОИХ детей и не станет шлаться, когда мужа нет дома.

Хотя кого я пытаюсь обмануть?

Станет! Ещё как станет! И я не хочу снова нырять в этот омут, который и название имеет соответствующее – БРАК.

Глава 4

Вика

– Солнышко, только не волнуйся, – лепечет Иринка в трубку с утра. – Но это правда, твои документы подписаны, ты уволена приказом. Даже без отработки.

– Я сегодня не смогу подойти на работу, – горло сипит и дерет так сильно, будто бы проглотила ежа, который кувыркается внутри. – Но завтра... может быть, завтра приду разбираться.

– Милая, – она понижает голос. – Там бесполезно говорить. Этот новый... бес ему, что ли, в ребро вселился? Все перетряхивает, перетрясывает, увольняет направо – налево. И ничего не скажешь ему – себе дороже. Как зыркнет глазом в твою сторону, аж дурно делается!

– Ирин, сможешь в бухгалтерию сходить? Когда они мне выплатят остатки?

– Ох, дорогая... – она снова понижает голос и уже почти не слышно, что говорит, приходится напрягать слух. – Тебе вlepили два штрафа за опоздание. Он специально по камерам последние три дня смотрел... Будто искал, к чему прицепиться. И прицепился. Благодаря этим штрафам ты ничего не получишь. Все до нулей тебе обрезали, милая...

Я резко выдыхаю, чувствуя, как перед глазами темнеет.

До нулей...

С моим тощим кошельком и неясной перспективой на будущее это – самая ужасная новость, которую я когда-либо слышала!

– Я могу тебе занять на месяц... И малышке кое-чего прикупила, приеду завтра вечером, привезу вкусенького.

Шмыгаю носом.

– Ты плачешь, роднень? – расстраивается подружка.

– Да нет, – утираю я слезу. – Заболела же, сопли, кашель, в общем, полный набор.

– Я все равно приеду! – храбрится Иринка. – Маску натяну, витаминов привезу. По возможности. Не расстраивайся.

– Да я и не расстраиваюсь. В трудовую инспекцию пойду. Пусть сам там думает, как выкрутиться, – мстительно прищуриваю глаза.

– Пфе, в трудовую, – Иринка горько усмехается. – Да бесполезно. Ему все как об стенку горох. Он право собственности переоформляет, хоть что делай, жалуйся, господу бога, президента зови, – бесполезно. У него вообще все схвачено. Не мужик, а акула какая-то... Ты ж не одна такая. Уже полно народу выгнал, и хоть бы хны. Но только не понятно, с чего к тебе такое отношение... особенное...

Я молчу, положив голову на мокрую от пота подушку. Не нужно мне его это «особенное» отношение. Вообще не нужно!

– Он как твою фамилию слышит, аж трясется весь, волнуется. Видео, где ты проходную проходишь, аж несколько раз просил перемотать. Ви-и-ик, вы знакомы, что ли?

– Нет, – поспешно и слишком резко говорю, обрубая разговор. – Я все поняла. Завтра приду за своими вещами. Уж вещи-то мне мои он обязан отдать.

– Ты не расстраивайся, Вик, не расстраивайся...

Отключив телефон, я смотрю в потолок, на ржавый подтек побелки от потолка несколько месяцев назад. Мысленно перебираю, что могу сделать в такой ситуации, к кому обратиться, кого попросить о помощи, и понимаю вдруг, что никого не могу озадачить. Не к кому мне идти, некого просить, да даже денег занять практически не у кого! Все эти годы я так старалась выжить, что буквально зубами вырывала, отвоевывала каждый день у судьбы, и совсем не обрастала полезными знакомствами. Если вообще можно обрасти полезными знакомствами, будучи одинокой мамой...

– Ма-а-ам, а в садик завтра идем?

В глазах щипет, будто песка бросили.

Мне ни в коем случае нельзя раскисать. Ради вот этого вот тоненького голосочка и нельзя!

– Пойдем, дорогая, пойдем.

На утро, закинув в себя горсть таблеток – двойную дозу, чтобы наверняка, я одеваюсь теплее и везу малышку в школу-интернат. С трудом, словно в бреду, преодолеваю долгую дорогу до учреждения, переодеваю ее в легкую одежду, оставляю запасные вещички воспитателю и заверяю ее, что сегодня уж точно не опоздаю забрать ребенка.

Конечно не опоздаю – работы-то у меня сейчас нет!

Втиснувшись в автобус, добираюсь до офиса. Если рано утром меня колотил озноб, то сейчас, после общественного транспорта, наоборот, хочется скинуть с себя всю одежду, чтобы подставить разгоряченное тело холодным ветрам и остудиться.

Показываю пропуск и прохожу в свой кабинет.

– Викуль! Да я бы сама тебе все вещи твои принесла, – подбегает Иринка. – Я в любом случае к вам сегодня собиралась.

– Я в бухгалтерию, Ир.

Она заглядывает в мои глаза.

– Вик, ты совсем красная, так плохо, да? – Она участливо заглядывает в глаза. – Бедная моя, бедная...

В бухгалтерии подтверждают слова Ирины. Я безработная и совсем безденежная. Конечно, можно как-то бороться, искать справедливости, но толку... Толку никакого не будет, это точно...

И потому медленно складываю вещи в пакет, утираю лицо платком, пью воду из стакана, чтобы хоть немного остудиться, и бреду вперед.

Как только дохожу до приемной, чтобы забрать трудовую, замираю.

Потому что слышу ненавистный голос.

Голос бывшего мужа.

– Ты не должна была приезжать, – нетерпеливо говорит он кому-то. – Зачем ты сюда приехала?

– Но я... я хотела тебя порадовать, – в голосе женщины слышны кошачьи нотки и от этого хочется передернуть плечами. Слишком открыто, откровенно, подобострастно.

– Я тебе сказал, что не нужно. Не нужно меня проверять и мне это не нравится, – он говорит твердо, жестко, и видно по голосу, что этот разговор продолжается уже не впервые.

– Малыш, – я закатываю глаза: мне кажется, невидимая из-за приоткрытой двери девушка закусывает губу, заигрывая.

Я заглядываю в приемную. Как мне быть – остаться или уйти и вернуться позже? Совсем не хочется сталкиваться нос к носу с бывшим мужем. И тем более не хочется видеть ту, с которой он сейчас проводит свое время...

И только я принимаю решение уйти, делаю шаг назад, как запинаясь о собственную пятку и едва не лечу пятой точкой на пол. Только в последний момент удается удержать равновесие. Однако главное уже случилось – меня рассекретили, я наделала слишком много шума...

– Кто там? – из-за двери в приемную выходит он.

Смотрит повелительно, свысока. Верхняя губа изгибается брезгливо.

– А, это ты...

Я пожимаю плечами. Секретаря на месте нет, и я растерянно оглядываюсь – уйти или остаться?

– Милый, – вслед за ним выплывает загадочная обладательница «кошачьего» голоса. Я стреляю глазами, быстро вбирая в себя все: и ее тонкую дорогую короткую курточку, и сапожки, и сумку, которая явно стоит как две моих годовых зарплаты...

Она тоже внимательно и цепко оценивает меня.

Я моргаю.

Глаза режет до влажности.

Наверное, это все из-за света, да.

Слишком резкий свет после темного коридора...

– Ну, я пойду, – мурлычет она и кладет руку ему на грудь.

Он же смотрит прямо на меня, и вдруг притягивает ее к себе.

– Да, дорогая, жди меня дома. Я буду скоро. Только немного разберу дела.

Поворачиваюсь, чтобы не видеть этого, и вижу в файле на столе свои документы. Быстро подхватываю их и выхожу спешным шагом из приемной.

Нечего мне тут делать, нечего...

Саша

– А ну стоять! – задерживаю бывшую, схватив её за руку, но тут же обжигаюсь. Она вся горит. Неужели заболела?.. Тогда почему не сообщила? Почему предпочла просто не выйти на работу? Почему ничего не ответила на моё сообщение? Решила не объясняться, а потом свалить всё на болезнь?

– Пусти меня, – огрызается Вика и одёргивает руку. – Иди к своей любительнице малышей, а меня оставь в покое.

Дарина сейчас сидит в кафе на первом этаже бизнес-центра, и мне бы не хотелось, чтобы она увидела меня с бывшей, но перехватить Вику я успел только на улице. Хватаю её за локоть и тащу к своей машине, чтобы поговорить в салоне без свидетелей. Сам не знаю, на кой ляд делаю это. Вика брыкается, но сил, чтобы вырваться, у неё нет. В первый раз я сам дал слабину, шокированный её состоянием, но теперь уже это не повторится.

– Я сейчас буду кричать и звать на помощь! – угрожает Вика.

– Давай. Кричи. Кто тебе станет помогать? Видишь вокруг рыцарей?

Парковка пустует, но я понимаю, что без проблем запихнуть её в салон автомобиля не получится, поэтому поговорим на улице.

– Что тебе от меня нужно? Ты уже вышвырнул меня с работы, оставил без копейки. Ты рад? Испытал наслаждение?

Глаза Вики красные – это следствие болезни, не слёз. Сейчас в её взгляде нет боли, только нестерпимая ярость, которую бывшая хочет обрушить мне на голову.

– Почему ты даже не сказала, что больна? – спрашиваю я, немного ослабив хватку, однако отпускать бывшую не спешу. Хочу получить ответы на вопросы.

– Я не сказала? А ты спросил? Я сообщила секретарю и попросила оформить «мамин день». Я ни разу раньше не брала больничные, пахала как только могла, но в этот раз у меня не получилось выйти, и ты тут же поспешил лишить меня всего.

Ухмыляюсь и выпускаю её руку. Вика вся горит. По-хорошему, ей бы выпить таблетки и забраться под одеяло, а не стоять тут и не орать на меня своим охрипшим голосом. Впрочем, я сам притащил её сюда и вынудил разговаривать. А секретаршу я уволю за то, что ничего не сообщила мне. Змеям не место там, где правит дракон. Стискиваю зубы и выдавливаю улыбку.

– В машину сядешь по доброй воле, или запихнуть тебя туда силой? – спрашиваю, а бывшая скрещивает руки на груди в защитной позе.

– Мне не нужна твоя жалость. Я не собираюсь садиться в твою машину, если хочешь предложить подвезти меня до дома. Доберусь на общественном транспорте.

Вика прижимает к груди папку с документами.

– А после свалишься с воспалением лёгких? Тебе нужно отоспаться!

– Вероятно, это тебе нужно отоспаться, потому что твоя «дорогая» невестушка в буквальном смысле этого слова, теперь явно рассчитывает на бессонную ночь, – фыркает Вика, а в её взгляде закипает обида.

Она ревнует меня? Вряд ли... Если бы ревновала и когда-то любила, то не стала бы делать то, чего свидетелем я стал, своими глазами увидев чудеса её пластики в постели.

– Тебя не касается, на что рассчитывает моя невеста. Садись в машину, и я отвезу тебя. Раз уж я лишил тебя работы, то хотя бы подвезу, ведь денег на такси у тебя нет.

Сам не знаю, зачем предлагаю это? Почему я хочу провести с ней больше времени? Что хочу услышать? Возможно, я жажду услышать подтверждение того, что и без того отлично знаю. Мне хочется, чтобы она своими губами сказала правду, которую тщательно утаивала от меня. Хочу сильнее возненавидеть её и навсегда выгравить из своего сердца. Если она произнесёт эти слова собственным языком, глядя мне прямо в глаза, я смогу навсегда оставить её.

Бывшая разворачивается, покачивает головой и пытается уйти, а я хватаю её в охапку и прижимаю к машине.

Она слишком близко...

Её приоткрытые губы в паре сантиметров от моих...

Она может заразить меня, но лучше простуда, чем та болезнь, что пожирает меня изнутри долгие годы. Руки скользят вниз по телу бывшей, и я вижу, что она дрожит. Изголодалась по моим прикосновениям? Я мог бы сейчас впиться в её губы, мог бы засунуть в машину и взять то, что должно было принадлежать мне одному силой... Мог бы! Дыхание учащается, а пальцы сжимают бёдра предательницы.

Внутри просыпается хищник, почуявший лёгкую добычу, но я загоняю его в угол. Не бывать этому. Не с ней и не после всего, что я пережил по её вине.

– Ладно... Не хочешь ехать, не надо, – говорю я, отстранившись от бывшей. – Твоё право.

Делаю шаг назад, немного успокоив бушующий организм. Достаю из кармана несколько красненьких купюр и хочу дать ей на лекарства, но перед глазами снова появляется та сцена, которая ещё долгое время мучила меня в кошмарах. Я никогда не смогу простить её за то, что сделала со мной и моими чувствами к ней. Сминаю деньги, на которые так жадно поглядывает Вика, в руке и со злой ухмылкой смотрю на неё.

– Собери, если они нужны тебе.

Бросаю деньги на землю, прямо под её ноги, и ухожу. Совесть кричит о том, что я поступил как настоящая мразь, но какой там? Какая к дьяволу совесть? Она заслужила такого отношения к себе и получает теперь по собственным заслугам. Давай, Вика, вспомни, чем именно ты заслужила всё это.

Возвращаюсь в бизнес-центр и на входе сталкиваюсь с Дариной.

– Малыш, как ты здесь оказался? Ты же говорил, что у тебя много работы?

Хватаю Дарину за подбородок, притягиваю её к себе и впервые нарушаю своё табу: впираюсь в губы девушки в попытке испытать наслаждение от поцелуя, который мог быть у нас с Викой, но ничего не чувствую. С отвращением разрываю поцелуй, но не отпускаю свою «обожаемую невесту», а с угрозой смотрю ей в глаза:

– Никогда больше не смей называть меня «малыш»! – цежу я, разжимаю пальцы и ухожу, оставляя Дарину один на один с собственными мыслями.

Глава 5

Вика

Зарр-р-р-аза, нет, ну каков козел, а?! Меня аж всю трясет от негодования, от злости, от нарастающего изнутри тела жара. Температура тела растет просто невероятно быстро, но зубы стучат друг о друга – наверное, это последствия стресса от встречи с этим упырем.

Нереально, невозможно просто так стоять и спокойно с ним говорить.

Да просто дышать одним с ним воздухом нельзя!

Чертыхаюсь и с усилием впечатываю руку в кулак. И только эта боль немного отрезвляет.

Он все такой же подонок, каким был прежде – все такой же. Нисколько не изменился, нисколько не поменялся. Все такие же мрачные глаза, все такой же тембр голоса, все такое же крепкое объятие, все такое же...

Черт, да даже моя реакция на его близость, на его тело точно такая же, как прежде, будто и бы не было этих лет, будто они промелькнули в календаре телефона!

С усилием заставляю себя сделать шаг, потом еще один. Нужно идти вперед, не оборачиваясь, не смотреть назад, на то, как его широкая спина скрывается за углом, и тем более ни в коем случае нельзя думать о том, к кому он идет. Кого обнимет после меня, к кому прикоснутся его губы.

Чертыхаюсь и удаляюсь гордо, печатая шаг.

Но на подходе к остановке мне снова становится плохо – перед глазами все мутнеет, плывет и начинает шуметь в ушах.

Я подхожу к павильону, сажусь на лавочку.

– Напьются, и ходят, ходят, – слышу ворчливый голос будто бы через вату. – Что ходят, что дома не сидится? А еще девушка! Тьху, как не стыдно!

Прикрываю глаза, чтобы на мгновение отгородиться от этого назойливого внимания, неприятного, липкого, противного. Хватит с меня на сегодня этого позора. Довольно.

Слышу, что подъезжает автобус, и, сквозь полуприкрытые веки вижу, что это мой номер. С трудом, но заставляю себя подняться, войти в салон, даже найти место у окна и расположиться там так, чтобы не заострять на себе внимания. Потому что если хоть кто-то еще мне скажет слово, то я просто взорвусь, а после разлечусь на маленькие осколки, которые собрать будет просто невозможно.

И, едва снова прикрываю глаза, от усталости, от накотившей слабости, снова вижу перед собой его перекошенное яростью лицо, губы, которые брезгливо произносят слова. Последней каплей стали деньги, которые он демонстративно сжимает в кулаке и бросает мне под ноги.

– За проезд оплачиваем! Девушка! Или плати, или выходи!

– Се-сейчас, – негнушимися пальцами ишу в кармане пальто мелочь, высыпаю в руку контролеру.

Спустя томительную вечность я сижу в кухне и загружаю свое резюме на сайт. Опыт работы? Есть. Навыки и умения? Есть. Все есть.

Пусть этот чертов мудака уволил меня, оставив без денег, без надежды на будущее, но я выжила тогда, выживу и сейчас! Не позволю ему сломать мою жизнь, разрушить ее, потоптаться на руинах и развеять прахом.

Просто потому, что мне есть за кого бороться. И я сейчас говорю не о своей растоптанной гордости, не о себе. Я говорю о нашей дочери. Пусть это чудовище и делает вид, что нас не существует для него, я еще выживу. Мы выживем.

От усталости я кладу голову на сгиб локтя и проваливаюсь в марево сна. Мне кажется, что я плыву в реке, и она обвивает меня своими теплыми, ласковыми волнами. И я снова оказываюсь молоденькой девушкой, которой безумно нравится внимание привлекательного

парня, разглядывающего ее среди прозрачных речных волн... Как же давно все это было... Как же мы тогда были влюблены... И как же так вышло, что тот парень превратился в злого дракона, который швыряет под ноги деньги, брезгливо сверкая глазами...

Громкий телефонный звонок вышвыривает на поверхность. Я сначала даже не могу понять, что нахожусь на собственной кухне, – настолько расфокусирован взгляд, настолько заплыли глаза.

– Алло, – совершенно не узнаю собственный голос. Горло распухло, и кажется, будто во рту дерево.

На том конце провода тоже сомневаются в том, что трубку взяла я, но после несколько мгновений слышу голос няни из детского сада, куда ходит Варенька.

– Тихонова? Вы Варю сегодня забирать будете?

Я спешно смотрю на часы, и понимаю вдруг, что за то время, что я была в отключке, наступила темнота, вечер съел все кухонное пространство, а часы на столике кроваво говорят о том, что я опоздала на час. На целый час!

– Я... – мысли мучительно бьются друг о друга, голова ватная, но ничего не поделать. Я точно никуда не успею. И тем более – еще вопрос, смогу ли добраться до дома пешком с колясочкой. – Я сегодня оставлю Варю с ночевой. Завтра вечером заберу ее. Спасибо.

– Предупреждать нужно! – няня откликается нелюбезно, а я готова разреветься.

Еще в самый первый день, когда мы с Варенькой пришли в интернат для особенных детишек, договорились, что я буду каждый вечер забирать ее домой. Таких ребят в группе оказалось несколько, остальные оставались до выходных. Я честно, верой и правдой держала данное обещание, но сегодня... Впервые меня настолько выбили из колеи, настолько быстро и серьезно лишили почвы под ногами, что я даже не смогла найти в себе силы и позволила себе минутную слабость.

Слабость, которая аукнулась моей маленькой доченьке слезами. Она наверняка думает, что я предала ее, бросила, как отец, на крыльце роддома.

Качаю головой. Подхожу к шкафчику и достаю россыпь таблеток. Нет уж, я просто так не сдамся. Я выиграю эту войну с жизнью, я еще покажу, что тут главный. Не пропала тогда, не сдамся и сейчас! Запивая антибиотики водой, которая кажется не очень приятной на вкус, я снова вспоминаю лицо мужа. Ты еще пожалеешь, подонок! ты еще очень пожалеешь!

Едва утро распахнуло объятия, я тут же вскакиваю с кровати. Состояние намного лучше вчерашнего, а это значит, что прямо сейчас я готова идти вперед. Рабочий день еще не начался, но я не могу ждать – каждый час промедления кажется мне ужасно смертельным. И потому я делаю то, что могу – помимо рассылки резюме пишу на электронные почты всех компаний, с которыми мы когда-либо сталкивались. Пишу малознакомым знакомым по работе, везде закидываю удочки, говоря о том, что готова работать за оклад даже меньший, чем был. Сейчас для меня главное – стабильность. Только это.

Уже через три часа мне перезванивают и назначают собеседование. От восторга хочется кричать! Мне кажется, что я, как воздушный шарик, накачиваюсь радостью, надеждой и верю, что все будет хорошо. Я все налажу. Да что говорить, сделаю все, чтобы улучшить нашу с Варенькой жизнь. Может быть, даже к лучшему, что так все получилось. Может быть, я найду работу лучше, с зарплатой выше, и в конце концов куплю квартиру, а не буду мучить ребенка вечными переездами по съемным квартирам...

Спустя несколько минут мне звонят еще из одной компании, потом еще из одной.

Мне так приятно, что я не могу сдерживать возгласа радости. Соглашаюсь на интервью сразу же, говорю, что могу подойти даже сегодня, и успеваю договориться на встречу после обеда.

Это прекрасные новости! Надежда расправляет паруса, я быстро мою голову, сушу ее феном, крашу ресницы погуще, чтобы скрыть покрасневшие после ударной дозы таблеток белки, бледность раскрашиваю румянами, заставлю себя выпить чашку чая с бутербродом, глажу костюм.

До остановки иду медленно, прокручиваю в голове все слова, которые скажу на встрече. Скажу всю правду. А если спросят по поводу увольнения с прошлого места работы, отвечу, что не сошлись характерами с новым руководителем. Это повсеместная история – когда новая метла метет по новому и сметает со своего пути всех тех, кто работал до него.

Надеюсь, они поверят в это и не будут задавать дополнительных вопросов, потому что на эти вопросы у меня точно не будет ни единого ответа и совсем не будет желания говорить на эту скользкую, неудобную тему...

Но, едва только до здания остается пара метров, как поступает звонок. По спине холодком бежит предчувствие. Не могу выразить словами, но отчего-то я останавливаюсь, понимая каким-то шестым чувством, что просто так за несколько минут до начала собеседования мне звонить не будут...

– Алло, Виктория Тихонова? – я киваю, а потом понимаю, что собеседник не может увидеть мой кивок, и потому робко говорю в трубку о том, что слушаю.

– К сожалению, мы вынуждены отказать вам в месте работы.

– Но, что... почему... – мое недоумение очень ярко выражено. Неужели успели уже кого-то нанять? Но так быстро? как-то не верится...

– Да, ваша кандидатура не подходит нам под квалификационные требования. Всего хорошего.

Я буквально замираю на дороге. Меня кто-то толкает плечом, кто-то чертыхается, кто-то выражается матом, и только после несильного, но чувствительного тычка в спину, я понимаю, что происходит.

Поднимаю глаза и смотрю на офисное здание, в котором сидят люди, которые за несколько часов отчего-то изменили свое решение брать меня на работу. Всего лишь за несколько часов!

Мысленно перебираю в голове, что могло пойти не так, но совсем не нахожу причин для отказа.

Но, с другой стороны, это – работодатель, и он имеет право на что угодно...

Я медленно бреду вперед, решая забрать Вареньку пораньше из сада. Интервью не вышло, новое должно быть только завтра и еще одно – через день. Я все успею, все сделаю, может быть, подготовлюсь даже лучше, и выглядеть буду лучше, чем сегодня...

Но только сажусь в автобус, чтобы ехать в интернат...

– Виктория Тихонова? мы вынуждены отменить наше интервью.

– Постойте. Мне нужна причина. Почему вы отказываете мне?

– Мы не обязаны оправдываться, Виктория. До свидания.

Черт.

Этого не может быть, но это снова происходит!

Настроение медленно, но верно стремится к нулю.

Но я все равно растягиваю губы в улыбке, когда забираю дочку из садика.

– Прогуляемся, милая?

– Конечно, мам. Ты меня не забрала, – вздыхает она.

– Ты скучала по мне?

– Очень! Ты же моя любимая! Моя мамочка! – она так смешно всплескивает руками, что я не могу удержаться и сажусь перед ней на корточки, тяну руки и трогаю ее щечки, умиляясь моей малышке.

– А ты моя. Моя доченька...

Она залиvisto смеется, и мое настроение снова выравнивается. Ну и что же. Ну и плевать на все эти мелкие неурядицы. Все у нас будет хорошо. У такой малышки, к которой жизнь была не ласкова с самого рождения, все наладится, не может же быть все время одна черная полоса!

– А ты мне купишь конфету? – спрашивает девочка, и я тут же вздыхаю. Вся мелочь из карманов пальто растаяла. На карте осталось сто рублей. Сто последних чертовых рублей. Я со злостью вспоминаю смятые купюры в руках бывшего мужа и снова чувствую легкое головокружение от злости.

Родной дочери! Родной дочери он не мог уделить минутки, выделить рубль на то, чтобы она жила нормальной жизнью!

– Куплю, дорогая, но потом...

Как выжить? Как выжить на эти сто рублей вдвоем с маленьким ребенком?

Сердце снова начинает бухать в ушах, да так сильно, что я совсем не слышу телефонного звонка. Не сразу беру трубку. Уже не жду ничего хорошего, и предчувствие меня не обманывает.

– Тихонова? Виктория? Наше собеседование отменяется.

– Почему? – резко спрашиваю я.

– Компания так решила...

Глава 6

Саша

Я так и не приезжаю вечером в квартиру, игнорируя множественные звонки Дарины. Сначала выпиваю в клубе с друзьями, а потом снимаю номер в гостинице и заваливаюсь спать. Не хочу ничего. На душе мерзко. От собственного поведения мерзко. От того, что до сих пор не могу отпустить бывшую, несмотря на то, как она поступила со мной. Она до сих пор смеет называть своего ребёнка моим. Как у неё только язык поворачивается?

Ненавижу...

Просыпаюсь с этой проклятой, отрезвляющей душу мыслью, и смотрю в телефон. К какой меня матери или бабушке отправляет Дарина, нет совершенно никакого дела. Плевать на эту девку. Плевать на всё, что с ней связано.

Плевать!

Плевать!

Плевать!

Даже если однажды она станет моей женой. Дарине придётся терпеть меня таким. Вспоминаю наш поцелуй, и скулы сводит от неприятного ощущения, появившегося во рту. Это так похмелье сказывается? Или яд её губ отпечатался и до сих пор не выветрился?

Телефон начинает звонить, когда я поднимаю с пола рубашку и натягиваю на себя. Смотрю на экран и громко чертыхаюсь себе под нос.

– Мама, не надо! – говорю сходу, чтобы предостеречь себя от выслушивания слезливых моралей.

– Сашенька, ты в порядке? – спрашивает мама уставшим голосом.

Неужели она думала, что может быть иначе?

– Со мной всё хорошо, мам... Ты позвонила, чтобы спросить, как я? Сколько девиц прошло сегодня через мою постель?

– Не говори так грубо с матерью! Я тебя не узнаю совсем! – фыркает мама. – Конечно, я позвонила не для этого. Я хотела спросить, во сколько ты сегодня освободишься. Вернулся отец Дарины из командировки. Мы хотели устроить семейный ужин, где обсудим дату вашей свадьбы. Гришенька был очень рад узнать, что ты, наконец, женишься на его дочери.

Я чертыхаюсь сквозь стиснутые зубы.

Без меня меня женили...

Посмеиваюсь слухам, ведь официальное предложение Дарине я пока не делал, а её отец теперь раскатывает губёшки и, наверняка, думает, как отхватить кусок от моей прибыли. Он ещё тот склизкий увалень. Маме он нравится, и мне порой кажется, что встречаются они не только для того, чтобы поговорить о наших отношениях с Дариной, ведь оба одиночки, без вторых половинок: вдова и разведённый... Идеальная пара.

Фыркаю, поглядывая на часы.

Мне не хотелось бы встречаться сегодня с невестой, но и отказываться не могу, потому что Григорий Матвеевич имеет не последнее место в городе и может нагадить мне, если захочет.

– Во сколько ты хотела устроить ужин, мама?

– Даже так, Сашенька? В девять тебя устроит?

В девять...

Смотрю на часы и киваю.

– Конечно, договорились.

– Я люблю тебя, сынок!

– Я тебя тоже, мама.

Отключаю телефон и вспоминаю безмятежное детство. Тогда слова матери о любви казались мне более искренними, а теперь они стали настолько пресными, что я перестал верить в их реальность. Возможно, зря? Говорят ведь, что мама – единственный человек, который будет любить тебя не за что-то, а вопреки всему. Задумываюсь об этом, одеваюсь и выхожу из номера. Рассчитываюсь с администратором, возвращаю ключ и решаю поехать в головной офис, чтобы проверить, как там идут дела. Не хочу возвращаться в эту гребаную конторку, где снова столкнусь с воспоминаниями о бывшей, о нашей вчерашней перепалке, которая... Только Богу одному известно, чем именно она могла закончиться, если бы я не остановился вовремя. Я видел, как она льнула ко мне, как дрожала в моих руках.

Чёрт!

Но почему всё так? Почему?

Понимаю, что мне следует сконцентрироваться на работе, на огромной империи, которую мне удалось отстроить, но всё равно не могу этого сделать.

Ещё мама с этой своей тягой поскорее женить меня... О чём она думает вообще, приглашая в дом отца Дарины? Хочет, чтобы я поскорее стал снова окольцованным? Вот только какой резон? Я сам не понимаю, зачем вообще согласился тогда встречаться с девкой, которая никогда не вызывала даже симпатии. Назло Вике? Но ей ведь плевать... Если бы ей было хоть какое-то дело до меня, то она вела бы себя иначе сейчас. Она даже не ревнует.

Вспоминаю о ребёнке и думаю...

Это не моя дочь.

Не моя!

Несколько тестов ДНК подтвердили, что она не моя.

Сколько я тогда не спал ночей?

Как сильно ждал этого ребёнка?

Я до последнего пытался верить, что дочь моя, а потом получил на руки результат.

Один...

Второй...

Третий...

Все из разных лабораторий. Я специально сдал наши биоматериалы в разные лаборатории, чтобы исключить возможность фальсификации результата.

Эта маленькая девочка – не моя дочь.

Как только у Вики поворачивается язык врать мне? Мы ведь были так счастливы с ней? Мы беззаветно любили друг друга. Или она попросту притворялась? Пыталась создать мнимый мираж счастья, в которое я поверил, развесив уши? Как идиот...

Сажусь за руль своей ласточки и сжимаю пальцами оплетку руля.

Я просто возьму себя в руки и буду жить дальше, наплевав на ложь, которая кружит вокруг, затягивая в свой омут.

Всё будет хорошо...

Сейчас я поеду на работу, а вечером приду на этот проклятый ужин.

Нужно как-то жить дальше.

Нужно завести наследников, в конце концов!

Для кого ещё я строю эту огромную империю? В чьи руки она перейдёт, если у меня не будет детей?

Думаю о глупышке Дарине и понимаю, что она сама подписалась на роль нелюбимой жены, ведь отлично понимает, что её ждёт со мной, но всё равно стремится заполучить мою фамилию. И мне её не жаль.

Вообще больше не жаль баб...

Вика

– Здравствуйте, спасибо, что согласились встретиться, – я искренне надеюсь, что сейчас никому не видно лихорадочного блеска моих глаз. Кажется, снова поднимается температура, или это становится жарко из-за того, что я понимаю, что это – последнее интервью, на которое я могла рассчитывать? Одно за другим они отменялись, даже не начавшись. И если сначала я подумала, что это случайность, то теперь отчетливо вижу – происходит что-то странное. – Я... не подведу. Готова к работе, могу выйти уже с завтрашнего дня.

Молоденькая девушка внимательно смотрит на меня во все глаза, а поняв, что я поймала ее слишком заинтересованный взгляд, вдруг опускает глаза и смотрит в бумаги.

– Да, мы видим, что у вас довольно большой опыт работы. Скажите, а какая причина ухода с предыдущего места работы?

Вопрос, на который у меня заготовлено миллион, если не больше ответов. Темной ночью, встречая предрассветную серость, я проигрывала в голове сотни раз, что мне нужно ответить. Потому что правду – что мой бывший муж – козлина, каких еще поискать на целом свете, вдруг появился в директорском кресле моей компании и уволил даже без выходного пособия, – слишком остра и я не готова ее озвучить вслух.

– Мне... мне нужно найти работу поближе к дому-интернату, куда ходит моя дочь.

Девушка вопросительно изгибает бровь и тут же начинает перебирать бумаги, чтобы прочесть в моей биографии подтверждение этой информации. А я выдыхаю и смотрю поверх ее головы, в окно, где начинает синеть, переливаясь разными оттенками бирюзового, небо. – Дело в том, что Варя – совершенно особенный ребенок. Она совсем не может ночевать вне дома. Без меня. Ей становится плохо, портится настроение, она даже может заболеть! И поэтому мы договорились с директором, что я забираю ее каждый вечер, и привожу каждое утро на занятия. Так делают многие, кто может себе позволить... И я... должна, должна думать о состоянии дочери!

– Вы растите ее одна? – тихо спрашивает она.

Я горько выдыхаю.

В тот день, когда я сделала тест на беременность, никого счастливее, чем Саша, не было. Я положила перед ним этот кусочек картона с двумя яркими красными полосками, на стол. Сначала он нахмурился – совсем не понял, что это значит, после взъерошил волосы пятерней, а потом повернулся ко мне. В его глазах смешалось напополам неверие и затаенная радость. Едва я кивнула ему, подтверждая догадку о том, что совсем скоро мы станем родителями, как он тут же ураганом сорвался с места, вихрем подхватил меня на руки и закружил по комнате. Мое сердце готово было выпрыгнуть от счастья из груди, хотелось одновременно и плакать, и смеяться – столько эмоций: острых, нужных, сильных. Он хохотал, и целовал меня, а после положил на кровать и посмотрел серьезно в глаза. Сашка не говорил ни слова – одного выражения его глаз – любящих, умных, терпеливых, – было достаточно, чтобы понять: я сделала ему самый дорогой, долгожданный подарок, о котором можно только мечтать. Мы стали связаны не только общей невероятной, пылкой любовью, но и еще более прочной нитью – ребенком.

Вздыхнув, я моргаю несколько раз, чтобы прогнать видение из прошлого.

Оказалось, нужно было только несколько месяцев сложной беременности и ужасающий диагноз, чтобы вычеркнуть из своей жизни тех, кого так ярко и пламенно любил.

– Нет, я рашу ее не одна. Мы вместе с ней растем, – мягко улыбнулась я девушке. Она снова прочитала первую строчку из моей биографии.

Вздыхнула.

– Как же вы справляетесь, – вдруг протянула она и прикусила губу, поняв, что задала очень нетактичный вопрос.

Я же пожала плечами.

Справляетесь...

Я – точно справляюсь. И справлюсь всем назло. И всегда буду справляться. На руках пронесу свою девочку через все невзгоды, через все ураганы, чтобы только она была живой и здоровенькой, улыбалась, уплетала конфеты, смешно пряча их за щекой, хихикала над мультиками, ворчала, когда я заплетаю ей косы с утра. Справлюсь со всем.

Потому что для меня не тяжело нести коляску по лужам. Не тяжело забирать малышку из сада после трудного рабочего дня. И тем более не тяжело самостоятельно усаживать ее в салон такси.

Ведь это моя дочь. Плоть от плоти, кровь от крови.

– А вы никогда не думали, что можете... – девушка спешно стреляет в меня глазами и прячет их за ресницами. – Что можете оставить ее в интернате и забирать только на праздники? Это бы облегчило вам жизнь.

На эти слова я только ухмыляюсь.

Никогда, никогда я в здравом уме не заставлю свою девочку делать то, что ей не хочется.

Один человек уже подвел в первые же часы ее жизни на этой земле, и моя задача в том, чтобы не подвести ее, чтобы поддержать, чтобы показать, что не все такие ужасные, гнилые люди, как ее отец.

И несмотря на всю свою внутреннюю твердость, желание сохранить лицо, при воспоминании о Саше у меня почему-то начинает свербеть на душе, будто кошки полосуют сердце на множество кусочков, разделяя красное мясо на множество кусков когтями-лезвиями.

Но я вздыхаю и усилием воли загоняю это ненужное чувство вглубь себя, прячу воспоминания об этом мужчине подальше.

Да, он снова появился на моем небосклоне яркой кометой, но также и пропал.

Он уволил меня, снова исковеркав жизнь, но я оказалась выше всех этих отношений, выяснений кто прав и кто виноват, и просто ушла из его кабинета, не сказав ни слова, не плюнув ему в лицо.

– Я слишком люблю свою девочку и она у меня одна. Но вы не думайте, она нисколько не помешает работе. Мы с ней уже давно обо всем договорились, она уже достаточно большая!

Девушка робко улыбается.

Пожимает плечами и вдруг говорит виновато:

– Но мы все равно не можем вас взять на это место.

Мои глаза тут же становятся размером с блюдца. Да не может этого быть! Я столько времени провела за тем, чтобы убедить отдел кадров и принять меня на собеседование, я видела, что мои данные очень подходят этой фирме, да что говорить, они даже выше, чем тут требуется!

– Но...

Тут она понижает голос, пригибается и немного тянется ко мне.

Я повинуюсь ее движению и делаю тоже самое, мы будто шепчемся, и она скрепя сердце доверяет мне какую-то тайну.

– Мы не можем вас принять на эту должность. Один человек... Один человек позвонил моему директору час назад и приказал ни в коем случае не брать вас, даже если вы будете предлагать работать бесплатно. Кажется, этот человек... Этот человек очень силен, и... очень зол на вас. Вы знаете, кто это может быть?

Я устало откидываюсь на спинку кресла.

Оно тут же становится неудобным, в боку начинает тянуть.

Только один человек испытывает ко мне такую же неприязнь, как и я к нему. Только один...

Глава 7

Саша

Сажу в машине, вбивая в навигаторе адрес. Место встречи не изменить, но я всё равно езжу по навигатору – спасибо за то, что показывает пробки и объездные пути.

И тут в мою голову бьёт отрезвляющая мысль: ужин...

Вспоминаю о треклятом ужине, когда уже договорился с парнями здорово провести время в клубе, потому что на работе весь мозг превратился в кашу. А ещё и плюсом ко всему бывшая... Я выяснил, в какой интернат она отдаёт ребёнка, узнал даже то, что вчера она не пришла за девочкой. Она была в ужасном состоянии. А как она чувствует себя сейчас? Задыхаюсь от этих мыслей, хоть и понимаю, что нарушаю своё главное правило – не прощать предателей.

Почему Вика отдаёт свою дочь в интернат? У той всё совсем плохо со здоровьем? Конечно, при таком бурном зачатии не мог родиться нормальный полноценный ребёнок, но девочку мне жаль – она не должна отвечать за погрешности своей матери. Да какой там погрешности? Самые настоящие грехи!

Я некоторое время просто пялюсь в экран телефона.

Мама уже несколько раз звонила, но я не отвечаю ей.

Уж простите, что приеду не при параде, но скоро буду...

Залетаю в дом, когда, наконец, добираюсь до него, и мчусь в столовую.

Дарина сидит рядом со своим отцом, и её лицо сразу же светлеет, как только она видит меня. Широко улыбаясь, она начинает строить мне глазки, но я вижу ненависть, которая кипит в её взгляде. Она словно спрашивает, за что я отношусь к ней вот так, чем именно она заслужила такое отношение к себе, а мне нечего сказать ей и остаётся лишь глупо улыбаться. Сам себе напоминаю дурака, идиота какого-то.

Почему я бегаю?

Почему не могу остепениться?

Почему ненавижу весь женский род из-за мерзкого поведения одной особи?

Пожимаю руку Григорию Матвеевичу, поймав на себе его сердитый взгляд. От мужика разит каким-то приторным дорогим парфюмом, и я невольно морщусь. Мог бы душиться поменьше, а то как на базаре, ей богу.

– Сашенька, а ты почему опоздал? Пробки на дорогах такие большие? – лепечет мама в попытке исправить ситуацию и оправдать тем самым своего непутевого сына.

– Да, пробки, – киваю я, хотя понимаю, что нагло вру в это мгновение.

Плюхаюсь за стол и поправляю воротник рубашки. Мы с Дариной обмениваемся многозначительными взглядами, а мне так и хочется сказать ей, чтобы перестала улыбаться, как поломанная кукла. Я понимаю, что накосячил, понимаю, что никогда не стану достойным мужем для неё, но она всё это знала с самого начала. Знала, и её устраивал такой расклад. Тогда почему теперь так много ожиданий?..

– Александр, твоя мама и Дарина уже сообщили мне радостную новость о том, что вы с моей дочерью решили пожениться. Я, конечно, не ждал, что ты попросишь её руки у меня, но красивее было бы сделать Дашеньке предложение официально.

Дашеньке...

Как противно он склоняет имя своей дочери.

Это же два разных имени!

– До меня дошли слухи, что одна из компаний, которую ты поднимал с нуля, начала падать... Я мог бы подсобить ей подняться, если у нас с тобой будут родственные связи, конечно же.

Гад!

Знает, за что зацепить.

Выдавливаю улыбку и делаю вид, что я заинтересован в разговоре. Да пускай думает, что хочет. Нужно подмазаться? Я сделаю это, а потом поеду к очередной тёлочке, а не к его дочери. И я вижу, что он прекрасно понимает это, но молчит. Его устраивает такое будущее. Дарину оно устраивает. Мою мать устраивает. Тогда в чем дело? Почему я тяну? Вот только вся эта наигранность бесит меня, а мысли, в порядке ли Вика, сводят с ума. Хватаю блюдце и кладу на него луковое колечко. Подхожу к Дарине и встаю перед ней на одно колено.

– Дарина, ты выйдешь за меня замуж? – спрашиваю я, протягивая ей блюдце.

Мама возмущённо ахает, а Григорий Матвеевич скрипит зубами. Дарина хлопает ресничками и пытается выкрутиться. Она хочет оправдать меня в глазах своего папаши, скрасить всю мерзость моего поведения.

– Малыш, это так мило с твоей стороны... О лучшем предложении я и мечтать не могла, – сквозь слёзы выдавливает моя «невестушка». Она знает, какое предложение я делал Вике, какой грандиозный праздник устроил для той, кого люблю, а у меня в голове звучат до омерзения скрипучие слова: «Иди к своей любительнице малышкой». Самолюбие уязвлено, а я надеваю колечко на трясущийся палец Дарины и улыбаюсь.

– Можешь теперь съесть его, Заюшка, – говорю я, делая акцент на ушах, пожалуй, единственном недостатке, который так сильно портит внешность моей избранницы, и ей приходится распускать волосы, чтобы скрыть свои заострённые эльфийские ушки.

Дарина дрожит, дёргает губой от обиды, а я встаю на ноги, возвращаюсь к своему месту и плюхаюсь на стул. Накладываю в тарелку салат и принимаюсь уплетать его, а потом смотрю на всех присутствующих, раскрывших свои рты.

– Что-то не так? – спрашиваю я. – Вы хотели официальное предложение? Я его сделал! Ах да! Простите, забыл кольцо с бриллиантами. Я ведь с работы сюда примчался, голова забита совсем другими мыслями.

Достаю из кармана пиджака бархатистую коробочку с кольцом, которое мне всучила мать, подхожу к Дарине и ставлю перед ней.

– Такое нравится больше? – спрашиваю я, понимая, что мать и Григорий Матвеевич готовы закопать меня заживо в эту секунду.

Дарина открывает крышку и расплывается в счастливейшей улыбке. Ей понравилось. Молодец. Что тут скажешь? Любительница блестящего... Именно мои деньги и заставляют её терпеть дрянной характер «жениха». Фыркаю и ухожу.

– Сашенька, ты куда? – доносится вслед голос матери.

– У меня дела... Я не успел завершить работу. Простите.

Даже не оборачиваюсь и не прощаюсь. Если Григорий Матвеевич попробует потопить меня, мы с ним столкнёмся в схватке, а пока я не знаю, к чему хочу двигаться дальше.

В настоящий момент меня волнует только одно: я хочу узнать, в порядке ли моя бывшая.

Жива ли?

Здорова ли?

Узнаю, а потом я продолжу ненавидеть и топить её, но сейчас хочу убедиться, что в её глазах всё ещё есть жизненный блеск.

Вика

Я выхожу из офиса и чувствую, что меня начинает мутить. Все эти таблетки, кажется, дали обратный результат. Специально, чтобы скорее найти работу, хорошо пройти интервью, до которого удалось достучаться, выпила тройную дозу и потому сейчас перед глазами немного двоится. Иногда такое бывает – какая-то странная реакция организма на препараты.

Но все зря. Все совершенно зря.

И в этом месте мне отказали, здесь тоже сказали, что я не ко двору. Хочется поднять голову и закричать от злости – ну почему, почему все так получилось, отчего он решил преследовать меня?

Саша всегда был упертым, если что вобьет себе в голову – хоть расстарайся, но все равно поступит по-своему. Когда-то эта черта мне казалась романтической и очень нужной – тогда, когда она работала на мою сторону. Но теперь, когда он решил отчего-то сжить меня со свету, я уже не знаю, что делать.

Теперь все кусочки пазла встали один к одному, сложились в единую картину – он отчего-то вернулся в наш город и решил, что пришло время снова мучить меня, сживая со свету. Мы столько времени ничего не знали друг о друге, и я только-только начала привыкать к тому, что он никогда не появится на моем пороге и не попросит прощения за то, что унизил, растоптал мою жизнь, подвел собственную дочь. И вот он появляется, но только для того, чтобы сделать мою жизнь еще хуже!

Медленным шагом я иду по направлению к саду, за Варенькой. медленно начинает идти белый снежок, я же отмахиваюсь от самых крупных снежинок, которые ложатся на ресницы.

Раньше всегда радовалась первому снегу – казалось, что это еще одна возможность начать что-то с чистого листа, и белые холодные пушинки будили в душе ощущение чего-то волшебного, нового, свежего. А теперь...

Теперь я думаю о бытовых вещах. О том, что сапожки Вареньке малы, и мне нужно покупать новые, а денег на это нет. О том, что не успеешь оглянуться, и наступит Новый год, и мне нужно будет придумать ей какой-то оригинальный и в тоже время нужный подарок. А также о том, что еще на один год я стану старше, а счастливых дней в моей жизни становится все меньше и меньше.

Меланхолические мысли разлетаются от резкого окрика велосипедиста со спины:

– Посторонись!

Я резко замираю, и жду, когда меня объедет мальчишка из доставки еды. Он звенит звоночком, и катится дальше. Довольно думать о плохом! Все еще наладится! – будто бы говорит этот звоночек, и у меня нет причин ему не верить. И сейчас наладится, и прежде у нас были темные времена, но все их мы как-то ухитрились переживать.

Вхожу в здание и сначала немного стою молча, ожидая, когда глаза привыкнут к этому свету. Снова становится жарко, да так сильно, волной, что хочется скинуть с себя пальто, обувь и лечь на холодный кафель, который лентяйкой протирает няня.

– Привезут сейчас Варю, а ты посиди, – говорит она мне тихо.

Я повинуюсь – нет сил ни на что. Будто бы разом они вышли из моих легких вместе с морозным воздухом, который я вдохнула еще на улице.

Слышу голос воспитателя. Она что-то говорит ласково, но ответа ей нет. Немного странно, потому что все здесь очень любят поговорить – от директора до ночной няни, которая читает малышам сказки.

Я поднимаю голову и вижу: Варенька полулежит в коляске. Голова запрокинута, глаза прикрыты.

– Что? Что случилось? – резко подбегаю я к ней, и понимаю, что и у само темнеет в глазах.

– Неожиданно поднялась температура, мы дали жаропонижающее, медсестра наказала обильное питье и противовирусное. Вы, пожалуйста, проследите. И полечитесь хорошо дома, – тихонько говорит воспитатель. Тамара Семеновна грустно улыбается мне, и дотрагивается до моей ладони, чтобы поддержать. Но тут же одергивает руку: – Ой, да у вас у самой температура! Вы вся горите!

– Да нет, нет, – отмахиваюсь я. Не хватало еще, чтобы тут тоже начали сомневаться в моей родительской пригодности! – Просто так кажется с мороза. На улице снежок пошел.

– Снежок... – хрипит Варенька.

Действительно, нам срочно нужно домой, лечиться.

Я смотрю в окно, за которым начинается настоящая снежная буря – и не скажешь, что еще полчаса назад первые снежинки в этом году ласково ложились на щеки, – и понимаю, что обе большие, температурные, мы не сможем преодолеть этот тяжелый путь домой.

Мысленно прикидываю расстояние до квартиры и снова чувствую слабость, но уже во всем теле.

Медленно открываю приложение и заказываю такси. Пора попрощаться со своими последними ста рублями на карте...

Нам везет, и таксист помогает и сложить коляску, и вытащить ее из машины – одна я бы в таком состоянии точно бы ничего не смогла. Варенька уснула. Однако лоб ее горит как факел, и я судорожно перебираю в мыслях все таблетки, которые имеются дома. Решаю добраться до дома и уже потом звонить Иринке, чтобы снова занять у нее денег и сбежать в аптеку, чтобы купить малышке лекарства. Коллега не впервые выручала меня, знаю, что у нее самой сейчас немного напряжено с деньгами, да и лекарства не дешевы, но уж на ребенка мы с ней точно что-нибудь наберем.

Квартира встречает темнотой и пустотой. Я тут же прикрываю форточку, которую оставила открытой еще днем, подхожу к Варе. Стаскиваю сапожки, шапочку, расстегиваю курточку. Она вздыхает и что-то невнятно бормочет сухими губами. Мне так тяжело двигаться, будто бы руки стали вареными макаронинами, которые, почему-то, должны поднимать тяжеленные чемоданы, забитые книгами. И поэтому я двигаюсь медленно, с огромным трудом, отдыхая через каждые две минуты. И только до конца раздев ребенка, понимаю, что сама так и не сняла пальто. Стаскиваю его и бросаю в коридоре – вообще нет возможности его поднять и повесить на крючок.

Последний рывок – и Варенька лежит в кровати, а я плетусь в кухню, включаю торшер, чтобы свет не бил резко по глазам и медленно перебираю блистеры.

Вдруг тишину нашей сонной и болезненной квартиры разрушает дверной звонок.

От испуга я вздрагиваю и вся коробка с лекарствами летит на пол. Блистеры рассыпаются в разные стороны, ловя отсвет луны из окна, я же переступаю через них и медленно иду к двери.

Все тело напрягается так сильно, что нервы начинают звенеть.

Потому что в такой час никто не приходит с хорошими новостями, тем более без звонка.

Подхожу к двери, и, облизнув сухие губы, медленно заглядываю в глазок, двигаясь тихо, как мышь, почему-то страшно боясь, что меня может кто-то обнаружить. Я словно вор, пробравшийся в хранилище, но никак не женщина, которая официально снимает тут квартиру за собственные деньги.

Моргаю несколько раз, и кладу пальцы на замочек. Сердце тревожно стучит, а мысли сменяют одна другую так молниеносно, что я ни одну из них не успеваю ухватить за хвост.

Мне нужно закрыть дверь, заколотить на все замки.

Нужно притвориться, что в доме никого нет.

Нужно открыть дверь и от всей души отдубасить того, кто находится за дверью.

Не могу принять верное решение, а он, тот, кто взбаламутил все мое состояние, медленно засовывает руку в карман своего дорогого, стильного черного пальто и достает телефон, нажимая на звонок. Прикладывает телефон к уху и слушает гудки.

Через секунду мой сотовый раздражается резким гудком.

Я так сильно пугаюсь, что отшатываюсь от двери, будто бы понимая, что он чувствует мое присутствие.

Трубку не беру. И так знаю, что там написано на входящем: «Чертов бывший».

Глава 8

Саша

Давай же, Вика!

Открывай!

От того, чтобы не попытаться выбить эту проклятую дверь прямо сейчас, меня удерживает чувство, что она стоит по ту сторону и просто не хочет мне открывать. Наверняка сразу поняла, кто пришел.

Показывает гонор?

Вика слишком сильно ненавидит меня, как и я её. Вспоминаю нашу встречу через пару недель после родов: Вика вломилась ко мне в офис и набросилась на меня.

– Трус! Какой же ты трус! Ненавижу! Ненавижу тебя! – рыдала Вика и кашляла, захлёбываясь слезами. – Как ты мог бросить своего ребенка? Почему сбежал, оставив нас одних? Тебя так сильно напугала ответственность за ребёнка-инвалида?

– Тебе, правда, интересно, что меня напугало? Я не хотел закатывать скандал, потому что тогда ты только рассказала мне о своей беременности, но я все знаю о твоих похождениях! – оторвав руки, которые смели прикасаться к другим мужчинам, от себя, я легонько толкнул Вику назад.

– Понимаешь, что это значит, Вика? Я знаю всё о твоих изменах, и о том, что эта дочь не моя. Хочешь сказать что-то в свое оправдание?

– Я не изменяла тебе. Саша, очнись! Ты в своем уме? Варя твоя дочь! – опешила от неожиданности бывшая.

– Нет! Не моя! Я хотел верить в это, Вика. До последнего верил. Я ждал её рождения и сделал тест. Как ты смеешь врать, глядя мне в глаза? Что я сделал не так, Вика? Я любил тебя, даже не подозревая, что ты можешь оказаться такой грязной подстилкой.

Хлёсткая пощёчина оглушила. Физическая боль оказалась ничем по сравнению с душевной, с той, которая терзала меня на части. Вика ещё раз посмотрела мне в глаза, но на этот раз в её взгляде билось не отчаяние, а ненависть. Она развернулась и ушла.

Я снова стучу в проклятую дверь, избавившись от дурмана нахлынувших воспоминаний. Она не отвечает на телефон, не открывает, но я чувствую, что она избегает меня. Мне только нужно убедиться, что она жива, что дышит.

Слышу столь желанный скрежет замочной скважины, но открывается совсем не та дверь. Старушка выглядывает из ближайшей квартиры и смотрит на меня.

– Совсем уже стыд потеряли! Говорила я, что шалава эта нам покоя не даст. Заселилась тут малолетка с дитём недоразвитым.

– Бабка, скройся, если сама не хочешь стать недоразвитой! – рычу я, взбешённый столь хамским поведением женщины.

Старуха начинает ойкать, слать меня к какой-то матери, но спешно закрывает дверь.

– Вика, я знаю, ты слышишь меня. Если не откроешь, я выломаю дверь...

Последнее действует безотказно: бывшая сдаётся. Она открывает, но не спешит пропускать меня в квартиру.

– Что ты здесь делаешь? Я тебя не приглашала! – бормочет Вика хрипловатым голосом, а я понимаю, что её состояние оставляет желать лучшего.

Беру её за плечи и двигаю в сторонку, а она обмякает в моих руках, как тряпичная кукла и даже не сопротивляется. Вижу, что хочет, но у неё нет на это сил. Глаза бывшей заплаканные, а губы и нос слегка распухли, вероятно часто вытирала их платочком.

– Ты вся горишь! Лекарства есть? – спрашиваю я, пристально глядя на бывшую.

– Катись к дьяволу, Саша. Ты сделал больше, чем мог. Пришёл посмотреть на последние попытки мышки выбраться из мышеловки? Так вот не дождётся! Я выкарабкаюсь! Всегда выбиралась из поганого болота и на этот раз выползу.

– Мама, с кем ты говоришь? – доносится тонкий голосок, следом за которым я слышу детский кашель.

– Ни с кем, милая. Я сейчас приду, намешаю тебе чай с малиной и приду!

Вика зло смотрит на меня.

– Убирайся! Чего застыл? Забыл свои слова? Варя не твоя дочь, а я грязная подстилка, поэтому тебе такому святоше тут нечего делать.

– Я хочу помочь... Я дам тебе деньги. На лекарства. Если хочешь, то я сам съезжу в аптеку и привезу их.

Вика начинает смеяться, глядя мне в глаза, и я понимаю, как мерзко всё это выглядит со стороны. Я сам растоптал её, так зачем теперь хочу подняться на ноги? Не могу видеть её в таком состоянии. Лучше бы мы не сталкивались больше, не виделись никогда...

Достаю из кармана деньги и протягиваю бывшей, а она делает шаг назад и смотрит на меня осоловелыми глазами.

– Засунь эти деньги себе в одно место и убирайся отсюда.

Вика покачивается.

Ей нужен отдых, и я хочу помочь ей, но снова вспоминаю всё, через что она заставила меня пройти. Перед глазами появляется то видео и сбивчивое дыхание моей жёнушки, на которой трудятся два мужика. Тошнотворный ком стягивает горло. Я едва сдержался в тот день, чтобы не вернуться домой и не свернуть ей шею, а потом...

– Пошёл вон отсюда, – выдавливают Вика. – Или я вызову полицию. Тебе в этом доме не рады и никогда не будут рады.

– Мамочка! – зовёт девочка из комнаты, и Вика открывает дверь.

Краем глаза замечаю девочку, и в сердце колит. Сам не понимаю, почему, ведь это просто ребёнок. Пусть не такой самостоятельный, как остальные дети, но ребёнок.

Обычный.

Чужой.

– Милая, я иду. Тут дядя зашёл, чтобы помочь нам вынести мусор, – говорит Вика. – Я сейчас. Выброшу весь ненужный хлам из дома, и вернусь.

Она уходит на кухню, а потом возвращается с мусорным пакетом и сует мне в руки.

– Хоть какую-то пользу сослужи и выкинь, – зло бросает на меня Вика.

А я понимаю, что под хламом она имела ввиду не этот пакет, а меня.

Выхожу и долгое время стою перед захлопнутой дверью, пытаюсь осознать случившееся. Только на улице около мусорного бака понимаю, что снова пустил по своим венам этот проклятый наркотик, который вызывает зависимость. Я снова пытаюсь добиться от этой женщины невозможного, хочу её любви, но понимаю, что это невозможно. Она никогда не любила меня, лишь пользовалась мной, мечтая завладеть моими деньгами, которых на тот момент было не так много, как сейчас.

Ругаюсь себе под нос и сажусь в машину. Звоню своему человеку и прошу купить продукты первой необходимости, витаминные морсы, соки и лекарства от простуды для взрослого и ребёнка, какие только есть, а потом отвезти по адресу, который отправлю ему в сообщении.

Я отправляю адрес Вики, обещая себе, что это наша последняя встреча, что больше я не позволю себе расслабиться, женюсь на Дарине, и моя жизнь станет нормальной. Я избавлюсь от зависимости, забуду эту женщину и навсегда вычеркну её имя из своего сердца.

Перед глазами вновь появляется образ девочки.

Хрупкая...

Бледная...

Чужая...

Вика

Чеерт.

Обнимаю себя за плечи и медленно стекаю спиной по стене.

То, что сейчас случилось, не идет ни в какое сравнение с самым сумасшедшим смертельным аттракционом. В груди печет, а на языке появляется неприятный привкус – вкус разочарования.

Он только что был здесь, ему хватило наглости появиться тут, на пороге моего дома! И не просто появиться, а...

Нервно прислушиваюсь к шуму за дверью, ожидая, что бывший муж может вернуться и сказать свое самое последнее, веское слово, выслушивать которое, я, конечно же, не собираюсь.

Мне хочется стонать и вопить от разочарования, злости. Эмоции такие острые, что буквально режут пополам. Как бы мне собрать себя по кусочкам, если мое стеклянное сердечко постоянно подвергается таким ударам?

– Мамочка, – слышу как сквозь вату голосок Вареньки. – Пить.

Тут же вздрагиваю и вскакиваю на ноги. Что же это я – стоило появиться на пороге этому уверенному в себе, невероятно привлекательному, мужчине, как я тут же начала забывать себя, забывать о главной своей цели в жизни? Не бывать такому.

Дрожащими руками налила в высокий стакан воды, прихватила жаропонижающий детский сироп и вошла в комнату. Через неплотно задернутую штору серебром растекались лунные лучи, оглаживая малышку, разметавшуюся в кровати.

– Милая, я принесла водички. И лекарство.

– Неть, – надула она губки.

– Так не пойдет, зайка из леса принес тебе настоящий отвар из сухих ягодок, который собирал сам, и поэтому нужно его уважить, выпить до доньшка. Мы ведь сможем, да? Мы же сильные?

Варенька кивает и выпивает все, что я ей дала.

Я провожу рукой по спутанным волосам, расправляя каждую прядь, и мое сердце снова стучит иначе. Так, и должно – только в одном направлении, в одном ритме с моей дочкой, моим сокровищем.

Этот мужчина – просто мусор в моей жизни, ему не место рядом с этим ярким светом, с этим золотом самой чистой пробы. Варенька, разомлевшая от повышенной температуры, снова засыпает, а я не могу погрузиться в сон.

Поджимаю под себя ноги, грею холодные после коридора ступни и невидящим взглядом смотрю в одну точку на полу. Туда, стоял Саша и смотрел на Варю. Не знаю, что творилось у него в мозгах, в душе в тот момент, когда он впервые увидел нашу дочь сегодня, но я однозначно не готова хоть как-то продолжать с ним общение, не должно быть никаких встреч, никаких. Наши дороги разошлись. Он сильно изменился – стал невероятно богатым, успешным, деловым, хитрым и достаточно изворотливым, чтобы навредить мне, даже не прикладывая к этому никаких усилий. А я... я осталась там же, где и была всегда – на самом дне социальной лестницы, запуганная реалиями жизни и в жутком напряжении ожидания того, что может приготовить завтрашний день.

Зачем Саша появился в моей жизни снова? Как так повернула судьба, за что послала она мне такое испытание?

Я уже надеялась, что мы вычеркнули друг друга из жизни, потому что такие яркие, живые эмоции просто так не могут пропасть, перегореть.

И вот я вижу их обратную сторону – как прежде он меня любил, с точно такой же силой ненавидит меня.

Как и я. Сколько секунд своей прошлой жизни я благодарила небо за встречу с ним, столько же сейчас жалею, что он объявился на пороге сначала моей фирмы, а после – и дома. Да что ему нужно?!

На следующий день Варенька чувствует себя лучше, мы умываемся вместе, подмигивая друг дружке в зеркале, после я звоню нашему врачу, чтобы она зашла по возможности скорее.

А через некоторое время тишину нашей маленькой квартирке разрывает звонок в дверь.

Первым делом я бросаю испуганный взгляд на малышку, но она бесхитростно смотрит в ответ своими ясными, прозрачными глазками, как все маленькие дети ожидая, что там, за дверью ее ждет приятный и неожиданный сюрприз.

Но я-то точно знаю, что сюрпризов в нашей ситуации ждать совсем не стоит.

Особенно после вчерашнего визита дьявола из ада.

У двери я замираю и ощущаю, как потеют ладони.

Вчера он застал меня врасплох, но сегодня я чувствую себя чуть-чуть получше, и сознание, пусть и туманное, нечеткое, расплывчатое, еще можно собрать воедино и дать отпор неприятелю.

– Кто там? – за дверью незнакомый мужчина. Боязно открывать – а вдруг что?

– Доставка.

– Я ничего не заказывала.

– Тихонова Виктория Евгеньевна? – уточняет он, заглянув в планшет.

– Да, – я касаюсь холодной стали замка, чтобы уже через секунду повернуть его в сторону.

– Вам пакет, – мужчина, в костюме, слишком представительный для моего подъезда, протягивает большой, увесистый пакет. Я с недоумением смотрю на него, потом – на бесстрастное лицо мужчины, потом снова вниз. Могу предположить, что там находится – на пакете бренд супермаркета рядом, а сверху лежат лекарства – много коробочек, на одной я вижу детское улыбающееся лицо в россыпи кудрей.

Складываю руки на груди.

– Вы перепутали, я ничего не заказывала.

– И тем не менее, заказ на ваше имя.

– Я. Ничего. Не заказывала, – меня немного пугает этот мужчина, потому что он точно не из моей жизни – слишком ухоженный, слишком ровно подстриженный. В слишком хорошей обуви, которая явно не видела плохих дорог в районе пятиэтажек.

– Возьмите, Вика, не упрямитесь, – он протягивает мне пакет, я вижу, как сильно натянута от тяжести ручки, и я по инерции тянусь к нему, но вдруг одергиваю руку.

– Кто оплатил доставку?

Он изгибает бровь.

– Это же он, да? – прищуриваюсь я и вижу, что в его глазах мелькает страхок. Да, точно. Я попала в цель. Это мой чертов бывший муж вдруг решил отдать мне подачку.

Брезгливо и очень демонстративно сплевываю на пол.

– Передайте ему самые теплые пожелания сгореть в аду!

Захлопнув двери перед этим прислужником дьявола, я снова замираю. Запираюсь на все засовы, отключаю звонок. Он начинает стучать и что-то говорить мне хорошо поставленным голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.